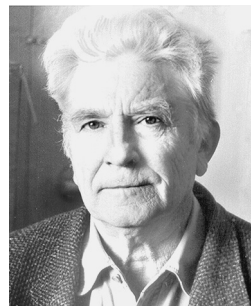

*Александр
Лухтанов*

БУХТАРМИНСКИЕ КЛАДОИСКАТЕЛИ

Повесть

Часть 2 ТАЁЖНЫЕ РУДОЗНАТЦЫ

Кто-то крикнул:

– Кто хочет в пещеру?

Оказалось, что хотят все. Достали свечи и сейчас же все пустились наперебой карабкаться в гору. Вход в пещеру был довольно высоко на склоне горы и походил на букву «А». Тяжёлая дубовая дверь никогда не запиралась. Внутри была небольшая пещера, холодная, как погреб, со стенами из прочного известняка, которые были возведены самой природой и усеяны каплями влаги, словно холодным потом.

Марк Твен. Приключения Тома Сойера

Максим

Утром Роман будил невыспавшихся и изъеденных комарами друзей:

– Хватит дрыхнуть, быстро умываться и вперед!

– Все это ваши лесные колдуны, – ворчал Егорка. – Из-за них и глаза не открываются. Веки разбухли, слиплись, как на клею.

– Водичкой, водичкой промойвай! – смеясь, советовал Степа. – В Тегереке вода ледниковая, целебная, как рукой снимет все твои хвори.

Кто нехотя, кто бодро, все встали и, позавтракав с чаем, вышли на хорошую тропу, вьющуюся вдоль берега реки. Сделали всего шагов двадцать и за огромным тополем обнаружили большущую кучу помета из полупереваренных дудок борщевика, скрученных в виде корабельных канатов.

– Однако кто-то из нас ночью животом страдал, – заметил Степа. – Не ты ли, Егорша, от комаров бегал?

– Чья бы корова мычала, а твоя молчала, – огрызнулся Егор. – Я травой не питаюсь, а вот ты как раз ревневые дудки не хуже медведя грызешь.

– Вы вот тут Михайла Ивановича поминаете, а он, может, где-то здесь из-за кустов на нас поглядывает, – подключился к разговору Гоша. – Помянешь, а он и легок на помине. С ним лучше не встречаться, никогда не знаешь, что у него на уме.

Так, перебрасываясь шутками и колкостями, мальчишки добрались до брода через Тегерек. Здесь пришлось принять водные процедуры, так как еще не спавшая с половодья вода доходила до пояса. Тропа потерялась, дальше шли по галечниковому и песчаному берегу. Впереди замаячила белая глыба, в которой признали обледеневший снег. С грязноватых его боков стекала вода, а вокруг цвели подснежники, будто стоял апрель.

– Странно, – в задумчивости произнес Роман, – оплывине неоткуда здесь взяться, горы далековато.

И вдруг догадка осенила его: это же остатки зимней наледи! Тегерек раз за разом прорывался сквозь ледяной панцирь, разливался и снова замерзал. Вот и накопилось льда столько, что и за все лето не растаять. Всем было хорошо знакомо это явление природы, когда в трескучие морозы промерзшая до дна река вдруг выходит поверх льда, растекаясь все шире и занимая все большую площадь. С каждым таким прорывом наледь все растет, и по-местному называется накипью, так как вода парит не хуже, чем кипяток в парной бане.

Удивляясь, все разглядывали подснежники, вылезавшие из-под таявшего снежника, а Гоша заметил что-то другое.

– Вижу след бледнолицего, – вдруг заявил он.

Все сгрудились, рассматривая отпечаток следа на мокром песке.

– С чего ты взял, что это бледнолицый?

– А вот, глядите, сапог явно не наш. Наши ходят в резиновых сапогах, что выдают шахтерам. У них каблук почти вровень с подошвой, а здесь глубокая вмятина. Каблук высокий, не наш.

– Верно, Рыжик, ты делаешь успехи, – согласился Роман, – пройдем по следу, авось раскроем загадку.

Ребята не прошли и ста шагов, как увидели кучу песка у самой воды, явно искусственного происхождения.

– Тут кто-то поработал, – признал Степа.

– Кто же еще, как не косолапый Михайло Иваныч, больше никому.

– А следы сапог, что только что видели? Не иначе золотоискатели моют песок.

– Оно бы так, да что-то следов мало.

– Гляньте, кабыть человек! – удивленно воскликнул Егор.

– Да, похоже. Вот чудеса! Одет вроде бы по-городскому.

– Так это же москвич, тот самый геолог, о котором разное говорят в Столбоухе! – удивился даже Роман, самый спокойный из всей компании. – Для всех он загадка, а он вон куда забрался, в самую тущобу!

– От людей прячется, сюда ведь редко кто заглядывает. Мало таких дураков, как мы, забираются в такую глушь, – поддакнул Егор.

Степа не согласился:

– Кто бы он ни был, а это стоит уважения, что живет на природе. Чего только не увидишь в лесу! Вы как хотите, а мне нравятся отшельники. Сам себе хозяин и ни от кого не зависим.

Через несколько минут они уже разговаривали с незнакомцем.

– Вижу, вижу, что вы такие же бродяги, как и я, – этими словами после обычных приветствий встретил ребят незнакомец. – Вам, конечно, интересно, кто я такой, зачем здесь и чем занимаюсь?

– Вы угадали, нам это очень интересно, – за всех выступил Роман. – Два дня пробираемся по дебрям, и вдруг городской человек.

– Ну что ж, отпираться или врать бессмысленно, – сознался горожанин. – Я геолог, звать Максимом. Приехал из Москвы. Вот, балуюсь немного старательством. Вы, надеюсь, знаете, что это такое?

– Моете золото?

– Золото? Пожалуй, это будет слишком громко сказано. Так, золотишко, кучка золотинок. Занимаюсь этим, потому что нравится. Люблю это дело, занятная штука. По крайней мере, для меня, бродяги и романтика. А если говорить по-серьезному, золотишко, конечно, есть, но не оно меня сюда зовет. Места у вас больно хороши. Приезжаю, но не афиширую своё занятие. Уж такой я человек. Нравится мне жизнь отшельника, хотя даже в тайге не скроешься от человеческих глаз, да и от молвы не уйдешь.

– Да уж мы догадываемся. Народ все видит, – согласился Роман. – Может, и нам стоило бы этим заняться? – добавил он полушутливо. – Честно говоря, у меня мелькала такая мысль.

– Как местные жители, вы должны знать, что у вас здесь всюду есть золотишко, – несколько иносказательно ответил незнакомец. – Но вот посмотрите на мою сегодняшнюю работу. Всего несколько золотинок, да и то это пока только песок, хотя и золотой, но с примесью. Серебро, медь. Чтобы их отделить, нужно аффинировать, но это из другой оперы. Процесс довольно сложный, а главное, вредный. Там применяется кислота – азотная, соляная, а вы знаете, пары ее очень ядовиты. Так что вам не советую. А песок можно и так сбыть, хотя и дешевле, чем настоящее золото.

– Все ясно и даже просто.

– Просто-то просто, но это только так кажется. На самом деле нужен большой опыт. Иначе никакого золота не увидите. Все смоете или просто не отделите.

– А как вы набрались опыта?

– Учился у опытных старателей, смотрел, пробовал. Занятие, скажу я вам, первобытное, но заманчивое. Притягивает так, что не отвяжешься. Каждому хочется попытать счастье, вдруг да повезет.

– Да вы как охотник за сокровищами! – заметил Рома. – Это все равно как искать клады.

– Насчет клада, это разве что найти самородок. А так все скрупулезным трудом. И так было всегда, еще с древности. Заметьте, золото, медь древний человек научился добывать гораздо раньше, чем железо.

– Вот удивительно, – проговорил Степа, – люди тысячи лет гонялись за золотом, хотя оно, кроме как на украшения, нигде раньше и не применялось.

– Мерило ценностей, – согласился москвич. – Странно еще и другое: как это совпало, что с глубокой древности золото ценилось везде и всеми народами, даже если они никогда не общались между собой. Ацтеки Южной Америки, китайцы, древние египтяне. Вот у вас на Алтае. Кстати, у вас здесь в древности добывалось металлов больше, чем где-либо в мире. И так дошло до наших дней.

– Люди гибнут за металл, – кивнул Роман. – И всегда так было. Все помолчали, а Степа поинтересовался, как же сейчас незнакомец отмывает золото.

– Да проще простого, первобытный способ, доступный любому. Нужен лоток, можно тазик, блюдо, но лучше вырезать из дерева. А в общем, кому что нравится. Есть такие, что предпочитают пластмассовые. В лоток набираете песок с водой, встряхиваете и потихоньку сливаете воду вместе с песком. Вся суть и смысл в том, что надо отделить более легкие частицы от тяжелых, то есть золота. Золото тяжелее, оно оказывается на дне, его и надо уловить. Вот, смотрите.

Взяв лоток, Максим продемонстрировал свой рассказ в деле.

– Глядите, ядвигаю лоток вперед-назад, легонько встряхиваю, сливаю через край. Делаю несколько раз и смотрю на дно – осталось ли что.

– И правда просто. Я тоже так хочу, – попросил Степа.

Ребята по очереди попробовали каждый свою порцию песка.

– Ничего нет. Пусто, – разочарованно протянул Егор.

– Да, это так, – подтвердил золотоискатель. – А ты думал, что сразу кучу драгметалла получишь? Если бы так было, то золото ничего бы не стоило. Добыча золота – тяжелый труд и в каком-то смысле лотерея: повезет, не повезет. Но и увлекательное это занятие. Заманивает, как игра в рулетку. Честно говоря, я бы не советовал вам этим заниматься. Затянет, как в омут. Сколько людей пропало! Кто от хвори, кто от голода. Кого медведь задрал, а то, бывало, друг друга перестреляют. Жадность до добра не доводит.

– Ну, нам это не грозит, – за всех ответил Роман.

– Рассыпное золото добывать долго и трудно. Как вы понимаете, есть и коренное золото, находящееся в нетронутном виде в горной породе. Бывает, оно видно невооруженным глазом, чаще всего в жилах.

– Конечно, мы знаем, – сказал Степа, – когда эта порода разрушается, золото вместе с обломками и песком попадает в реки. Это и есть рассыпное золото.

– Ты совершенно прав, – похвалил его Максим, – все остальные металлы окисляются и пропадают, в песке их не найти, а золоту ничего не делается. Лежит в речном песке тысячелетиями... Вы думаете, я один такой? – вдруг переменял он тему. – Из тех, что забились в таежную глухомань? В ваших краях кто только не жил и не прятался. Издавна прятались в вашу глухомань, начиная с беглых каторжников и старообрядцев.

– Я читал, – вмешался Роман, – что в Усть-Бухтарминске жил ссыльный декабрист Муравьев-Апостол.

– Жил, действительно жил, – подтвердил Максим. – Сослали его сюда, и, что интересно, ему здесь нравилось. Он даже женился здесь и хотел дом покупать. Я же говорю, что места у вас хороши.

– А вы-то сами живете как, в палатке или где?

– Палатку за собой не натаскаешься, да и некомфортно в ней. У меня тут хижина есть. Что-то вроде избушки. Есть и тайники, ухоронки в гротах. В пещерках, значит. Я же говорю, я тут как Робинзон. Пообвык, пообжился. Устроил разные убежища на все случаи жизни: от непогоды, от дождя, от медведей. Есть шалаши, даже подвесная хижина на дереве, что-то вроде шалаша. Я бы вас в гости пригласил, да к моему логову далеко добираться. Вы-то сами как ночуете? А то можно и у меня.

– Нет, спасибо. У нас с собой все есть для ночевки.

Разговор шел в основном между Романом и москвичом, все остальные молчали. Наконец Егорка робко спросил:

– Дядя Максим, а не страшно одному?

– Страшно, не страшно, я об этом не думаю. Всякое бывает, куда денешься. Больше всего опасаясь лихих людишек, вот и хоронюсь. Конечно, засвечиваюсь в городе, по дороге. Я ведь тут робинзоню, как видите, в одиночестве, без всякого Пятницы, один. Отшельником, бирюком брожу. Вроде Дерсу. Следопытом стал хотя и не Зверобоем. Броды пугают в непогоду, медведи. Но они летом все на белках. Вот созреет малина, спустятся ниже. Ружьецо на этот случай у меня есть. Так, на всякий случай. Одностволка, заряженная картечью. На медведя, значит. А больше в воздух, отпугиваю.

– Видать, много было у вас приключений?

– Как не бывать...

Москвич сделал паузу, что-то обдумывая и вспоминая. При всем своем московском обличьи он не производил впечатление городского пижона.

– Видел росомаху, кабаргу. Лосей вы и сами постоянно встречаете. Наблюдал, как кормятся шишками медведи, как плавают выдра, как играют норки. Раз, было, приехал, а моя ухоронка в пещере разграблена. Нет консервов, оставленных с прошлого года, постель изодрана, одежонка в клочьях. А ружьецо, слава богу, цело. Ну, раз ружье на месте, значит, не человек баловался, медведь.

– Ну и как вы из этого положения вышли?

– Да уж вышел. Пришлось в город спускаться. В Столбоухе кое-что взял. Я тут иногда коня нанимаю. Тяжело одному на месяц продукты завозить.

– А бродяги?

– Сюда они не заходят. Они же по пасекам пасутся. Им без людей не прожить. Мирские захребетники. Где украдут, где отберут.

– А хорошо здесь у вас, – признался Степан, – и рассказываете интересно.

Можно мы еще к вам приходите будем?

– Да бога ради, приходите, я только рад буду, – отозвался Максим. – Расскажу еще о чем, если интересуетесь. Кстати, куда вы идете?

– Мы идем в верховья Громотухи, – за всех ответил Степа, – в общем, на белки. Говорят, там на белке есть острый пик. Торчит, как штык. Все это посмотрим и домой. Вы там бывали?

– Приходилось. Геологию там хорошо изучать. Сплошные скалы, так сказать, обнаженные недра земли без почвенного покрова. А вообще-то здешние горы для альпинистов не слишком подходящее место.

– Почему?

– Разрушенные сильно. Каменные глыбы, целые скалы, все держится на честном слове и висит над головой. Монолитные скалы редко где встретишь, а как по таким лазить? Все валится, за что ни возьмешься. Сплошной камнепад. Или сыпухи тянутся на километры. Кому захочется по ним ходить? Одна ишачка и никакой техники. А вот озера там хороши. Под самыми вершинами. В ясную погоду вода в них синяя-синяя. А вот в непогоду там мрачновато, сурово, и тогда вода не синяя, а черная. Кстати, а как у вас с палатками?

– Да так, самодельные.

– Без хорошей палатки в непогоду там худо. Дождь, а то и снег, может зарядить на неделю. Хорошо, когда дрова есть, а если их нет? Вы это имейте в виду.

На этом расстались. Некоторое время мальчишки шли молча.

– Роман, как ты думаешь, что за человек этот Максим? – спросил Степан, едва они отошли от лагеря москвича. – Что-то больно похоже всё это на фантастику. Отказался от Москвы, все лето живет отшельником. А где-то, наверное, у него семья. Странно всё это.

– Странно? А мне он не кажется странным. Конечно, человек необычный, но и его понять можно. Большой город надоедает. А он романтик, любит уединение. Мне иногда тоже кажется, что я сам хотел бы пожить отшельником. Природа, тишина, разве плохо? Каждый человек устроен по-своему. Одному нужен город, другому деревня, а этому полное уединение.

– Да, москвич, а в тайге свой человек, – поддержал Егор. – Знает лес лучше нашего. К тому же геолог, видно, любит это дело.

– А я думаю, у него резон есть, – заметил Степа. – Золотишко, вот в чем дело. Он ведь отсюда знаете куда отправится? В Сочи махнет. Вверх пузом будет лежать на пляже.

Егор добавил:

– Что-то он темнит, не может он ездить за тридевять земель просто так. Имеет хороший барыш. Ружьецо-то у него наверняка не простой дробовик. Карабин или на худой конец мелкашка. Как в тайге без ружья? Все же подозрительный он человек. И в Столбоухе чего только о нем не гадают, а хорошего не говорят.

Роман оборвал домыслы своих друзей:

– Бросьте на человека наговаривать. Просто он не похож на большинство людей. Не такой, как все, а это никому не нравится, тем более нашим столбоушинским. А я бы не прочь с ним подружиться. Интересно поговорить с грамотным человеком, у него и поучиться есть чему.

Степан поддержал брата:

– Действительно, пусть живет, как хочет. Это его дело, а вреда от него никому нет. И не каждый отважится робинзонить в нашей тайге. Тем более горожанин, да еще и москвич.

– Да, это стоит уважения, – согласились все.

На белках

В такие дебри они еще не заходили. Тесно стояли вековые пихты, наглухо закрыв доступ к свету. Поэтому здесь почти не росла трава, и нижние ветви пихт, потеряв хвою, давно отмерли, голыми сучьями создав трудно проходимое заграждение. А тут еще упавшие деревья, полусгнившие колоды, выворотни и лежни, невидимые в траве, о которые то и дело спотыкались и падали. Недаром такие древесные завалы называют буреломом или просто ломами, потому что бурей их наломало, а теперь в них путнику только ноги ломать. Стоило же только выйти на открытое место, как тут же попадали в травяные дебри, где духовито и противно воняли заросли из сныти и мордовника, борщевика и медвежьей дудки полутораметрового роста. С борщевиками по высоте соперничали рослые травяные кусты маральего корня, с шарами соцветий, похожих на головки чертополоха. Зонтики цветов маячили перед глазами, норovia засыпать ядовитой пылью; эта пыльца еще и дурманяще-приторно пахла, и от нее кружилась и болела голова. Гулко трещали под ногами дудки, еще не засохшие и полные жизни.

– Всюду пишут о ядовитом ясенце, неопалимой купине, что обжигает, а я давно понял, что не один он коварен. Вот сныть и борщевик считаются даже съедобными и пахнут хорошо – борщом и супом, а обжигают не хуже ясенца.

– Это верно, – согласился Степан, – к тому же ясенец хотя бы предупреждает своим ядовитым запахом: «Я опасен, ко мне лучше не приближаться».

Через день наши путешественники поднялись уже к верхней границе леса. Кончилось буйство, безумство трав, через дебри которых они пробирались весь предыдущий день и которые мучили их до иступления. На смену березам пришли лиственничники, все более вытесняющие пихтачи, за ними и кедр. Вместо ущелий открылись широкие дали с пологими цепями хребтов, расходящимися во все стороны, меж которых лежали холмистые долины, зеленеющие альпийскими лугами. Вдали серыми громадами высились гряды каменных сопок, похожих на верблюжьи горбы. Лишь кое-где виднелись полосы и пятна снега.

– Белки, белки, – повторил Рома, – чисто русское слово, а ведь не употребляют же его ни на Урале, ни на Кавказе. Я думаю, лет триста тому назад, когда русские пришли на Алтай, вот они удивились заснеженным горам!

– Ну да, – подхватил Степа, – увидели белый снег, вот и появилось алтайское слово «белки».

Так, болтая, они дошли до границы леса, где травы стали еще значительно ниже, лиственничники и кедрачи все более редели и мельчали, лишь по логам они тянулись к вершинам, которые можно было назвать гольцами. На гольцах преобладал серый, седой цвет, цвет мертвой каменной пустыни, холодной и на вид безжизненной. Степа и Роман уже бывали в этих краях, а Егору и Гоше все было впервые.

– Смотри-ка, поднялись под самые вершины, а ни скал, ни каменных ущелий, – удивлялся Агафон. – И правда, здесь полати, про которые говорил мне батя. Хоть скот паси, хоть на коне скачи. Все увалы да покати. И откуда такие холмы да зеленые луга? А то еще и озера.

– Задернованные морены, – пояснил Роман. – Каменные вершины рассыпались, ледники их растащили – получились морены. Теперь это просто кучи камней, за тысячелетия покрывшиеся почвой и травой. Альпийские луга – это почти тундра со своим миром растений и животных. Вот, глядите, горечавка. Какой насыщенный синий цвет! Или водосбор. Не знаю более изящного цветка.

Здесь не было леса, и трава всего на вершок от земли, кругом каменные россыпи, а всюду виднелась жизнь, ничуть не менее энергичная, чем в тайге. Вот невесть откуда взявшийся сорокопут жулан – крупная рыже-пестрая птица с длинным хвостом, тревожно чаякая, перелетела с макушки искореженной морозами и ветрами пихточки-изгоя на куст жимолости. Забавные рыжие зверьки пищухи, или, по-другому, сеноставки, с любопытством взирали на путников, выглядывая из-под каменных обломков россыпи. Перебегая с места на место, они издавали резкий пронзительный то ли свист, то ли писк. Как видно, лабиринты разрушенных скал давали всем этим зверькам хорошее укрытие от врагов, а чтобы прокормиться, им было достаточно клочков травы, пробивающейся меж каменных обломков. Даже бурундук, исконный житель тайги, не прочь здесь поселиться, соблазненный орехами кедрового стланика.

Морены кончились, начался подъем на сопки, пока еще наполовину зеленые, хотя тут и там с «реками» и «морями» осыпей, называемых корумами. Близились

вершина хребта, издали похожего на длинный увал из насыпного песка, где каждая песчинка была крупным обломком скалы.

Утром следующего дня путники штурмовали очень крутой откос гребня, разделяющего Тегерек и Громотушку. Он был сложен гигантскими плитами, образующими циклопическую осыпь. Переползая с одной такой плиты на другую, Рома заметил сеноставку, замершую на камне с большим стеблем травы во рту. Замер и он сам, разглядывая смешную большеухую зверушку с круглыми черными глазами. И тут на соседний камень выскочил стремительный горностаи. Сеноставка, бросив травинку, юркнула в щель, а горностаи молнией бросился за ней.

– Догонит или нет? – загадал Степа, вместе со всеми наблюдавший всю эту сцену.

– Естественно, догонит, если не эту, то другую. Иначе как бы ему выживать в природе, – резонно ответил Роман. – Соболу нужна сеноставка, а медведю – сурки. Вон их сколько повылазило из подземелий. Торопятся наесться на зиму, в августе их уже не будет. И косолапые спустятся на кедровники и ягодники.

Впрочем, в тот момент было не до того, чтобы долго размышлять о зверьках или любоваться пейзажами, подъем был очень тяжел и выматывал все силы.

Наконец они выбрались на водораздельный гребень. Судя по всему, именно здесь находилась наивысшая точка всего этого района. То, что ребята увидели отсюда, восхитило всех: внизу лежал горный цирк потрясающей красоты с ярко-синим ледниковым озером, обрамленным снежниками. Тем не менее каждый по-своему оценил открывшийся вид.

– Каменное царство, – сказал Степа. – Не пойму даже, красиво это или жутковато. Будто кто взял и насыпал гигантские кучи шлака. Серые, мрачноватые. Только вот эти синие блюдца озер да пятна снега и оживляют их.

– Битва гигантов, – подтвердил Роман. – Последствие работы всех природных стихий: солнца, ветра, мороза, воды. И, конечно, миллионов лет. Нет острых пиков, почти не видно скал, все разрушено. Недаром в школе говорили про Алтайские горы, что они старые. Вид совсем не альпийский.

– А мне нравится! Похоже, как на луне, – заявил Агафон.

– Ты что, был там?

– Хоть и не был, а так представляю.

Они стояли на гольце, называемом зырянскими туристами Безымянкой, а на карте отмеченном как высота Громотушка. Сплошь сложенный из обломков когда-то рассыпавшихся скал, сравнительно пологий и доступный с их стороны, он обрывался провалом на север. Во все стороны расходились хребты, но обращал на себя внимание зубчатый скальный гребень с торчащей посередине высокой и острой скалой, оказавшейся сейчас прямо напротив ребят. Гребень состоял из разрушенных скал и был так узок, что преодолеть его можно было разве что только сидя верхом. С юга и севера подступы к вершине и тем более были неприступны, так как обрывались разрушенными крутыми откосами.

Разглядев все это, Роман вынес свой вердикт:

– Все сыплется, лезть не стоит.

В сторону Холзуна уходил многокилометровый водораздельный гребень. Обрывистый с севера, он был изъеден язвами провалов, у подножья которых среди холмистого моря камней виднелась целая цепочка ярко-синих озер. На

юго-западе хорошо просматривалась извилистая лента ущелья с белой ниточкой реки посередине.

– Нарымка, – коротко пояснил Роман, – это уже бассейн Тургусуна. А это кары, – показал он на провалы, заполненные снегом. – Когда-то здесь ползли тяжелые ледники, они и выгрызли эти ямы в горе.

– А этот снег разве не ледник? – удивился Агафон.

– Нет, это снежники. Они тем отличаются, что не накапливаются из года в год а стаивают и льда не образуют. Никто из географов ледников здесь не находил.

– «Дик и страшен верх Алтая, вечен блеск его снегов», – продекламировал вдруг Степан. – Это еще в середине 19 века написал поэт Хомяков. Хотя сам он никогда на Алтае не был.

– Неплохо сказано, – одобрил Роман, – хотя эти строки лучше отнести к Белухе. У нас же вечных снегов нет.

– Да и ничего ужасного и дикого не видно, – поддержал Романа Егор. – Ходим и радуемся: солнышко сверкает, тепло, комаров нет. Рай, да и только.

Только это сказал, а через каких-то полчаса на западе за клубились черные тучи и двинулись прямо на них. Лохматое черное чудовище приближалось к путникам, протянув вниз рваные ключья дождевых отростков.

– Вот накаркал, – с неудовольствием заметил Агафон.

– Рвем когти, и как можно быстрее! – скомандовал Роман.

По навалам каменных глыб быстро не поскачешь. Дождь сыпанул сразу вместе с грохотом грозового разряда. На скорую руку накрывшись клеенчатой палаткой, путешественники вздрагивали с каждой вспышкой молнии, сверкавшей совсем рядом, причем вовсе не сверху, а где-то по сторонам, то слева, то справа. Громыхало почти сразу за вспышкой, и ребята молили бога и каждый раз радовались, что очередная вспышка ударила не по ним, а прошла мимо. Но гроза быстро кончилась, с затухающим грохотом укатившись куда-то в сторону Холзуна.

Весь следующий день ребята отдыхали на берегу озера и даже пробовали купаться в ледяной воде.

Высокая цель

Через две недели друзья отправились в новый поход. Через Холзун на Уймон, говорил Роман. На перевал можно было подняться прямо с Большой Речки, считай, от самого дома, но Роман опять выбрал дорогу через Тегерек, чтобы снова навестить москвича.

– Время у нас есть, а когда еще представится возможность поговорить с интересным человеком? – объяснял он ребятам.

Максим был на своем месте. Он почти не удивился, увидев ребят.

– Ага, старатели заявились! Ну как золотишко, много намыли? Ничего? Вот и правильно, это хорошо. От этого занятия один вред. Вы думаете, я из-за него тут прохлаждаюсь? Да ничего подобного! Золото, деньги – это всего лишь средство для достижения цели. Чтобы добраться до ваших мест, нужны денежки, вот я и ковыряюсь. Деньги вообще не главное в жизни, и вовсе не в них счастье человека.

– И что же за цель у вас? – неуверенно спросил Степа и добавил: – Если не секрет.

– Секрет? Да, пожалуй, секрета-то и нет. Но кому попало я предпочитаю не говорить. Все равно не поймут, а болтать лишнее будут, а я это не люблю.

– Если секрета нет, значит, какая-то идея?

Роман сказал это, пытаясь поставить себя на равные с москвичом.

– Пожалуй, ты прав, – согласился москвич, – идея есть, только не всё сразу. Тут большой разговор, не знаю, поймете ли.

Ребята деликатно молчали, а геолог же, намолчавшись в одиночестве, как видно, сам хотел общения.

– Идея, идея... – повторил он два раза. – Я вот что вам скажу. Объехал я и Кавказ, и Тянь-Шань, а вот прикипел к вашим местам, зырянским. Там все грандиозно, есть заснеженные вершины, ледники, эффектные виды, зато у вас глушь, безлюдье, травяные дебри. Может, еще и потому, что ваши места нехоженые, мало кому известные. Нет для меня мест, лучше, чем Тегерек, Громотушка.

– Есть еще Тургусун знаменитый, – вставил Роман.

– Конечно, и Тургусун. А вот насчет знаменитости, это понятие относительное. У вас его знают, а спросите любого москвича-туриста, он ничего не слышал о вашем Тургусуне. И о Тегереке и Громотушке тем более. В общем-то, это нормально и даже хорошо. Хорошо, что есть такие глухие, неизвестные туристам уголки. А раз неизвестные, значит, сохранившиеся, нетронутые. Я давно пришел к выводу, что природа хороша там, где нет людей. Жестокая мысль? Да, жестокая. Правда почти всегда не нравится людям. Человек думает: вот сделаю по-своему, построю на реке плотину, поверну реку, и будет лучше. Ан нет. Всегда получается хуже, и рано или поздно природа начинает мстить. И этот лозунг, что надо переделать природу, что «нечего ждать от нее милостей, а взять их – наша задача» – это ошибка, причем преступная.

Максим помолчал, о чем-то задумавшись. Молчали и ребята, понимая, что их собеседник не сказал еще самого главного.

– Да, но я хотел о другом. Вот насчет идеи. Вы же знаете, места у вас рудные, а я геолог. Хочу проверить свою теорию по генезису ваших месторождений. Слово «генезис» означает происхождение, способ, путь образования рудных залежей. Вы понимаете, как это важно для геологов-разведчиков? Зная, как образовалось месторождение, легче его найти. И это всегда тайна за семью печатями. В вашем Зырянске кто только не был из геологических корифеев! Начиная с великого Гумбольдта. Потом Щуровский, Гельмерсен, Мушкетов, Обручев. Всё это звезды в геологической науке. Сколько диссертаций написано на эту тему, по генезису ваших руд, а загадка не раскрыта до сих пор. Скоро основное месторождение в Зырянске будет отработано, а ученые всё спорят, как оно образовалось. И все понимают, что есть здесь еще неоткрытые богатые залежи, а вот где они – пока загадка. Не буду вас мучить мудреными словами, а их там много, скажу очень кратко, хотя и примитивно. Моя теория заключается в том, что сгусток магмы на заре образования нашей планеты Земля, прорвав уже загустевшую оболочку, вырвался наружу. Этот прорыв, или выброс, где сконцентрировались различные металлы, я называю ядром. При этом всплеске были брызги, куда-то упало больше, куда-то меньше. В общем, брызги шампанского, причем выплеснулось по линии с севера на юг. Возможно, вы знаете, что ваша рудная зона тянется от Катон-Карагая до Змеиногорска и Золотушки в Русском Алтае. А самые большие брызги упали на места, где теперь разрабатываются месторождения в Змеиногорске, Риддере

и Зырянковске. А здесь у вас были еще капли, упавшие в Заводинке, Путинцево, Греховке. Так вот теперь я могу задать вам вопрос: а где же само ядро?

– Это мы ждем, когда вы нам скажете, – наивно ответил Егор.

Степа промолчал, а Роман, как в школе на уроке, бодро и не задумываясь сказал:

– Где-то посередине между этими рудниками.

– Вот! Ты угадал. Я тоже так думаю. Комбинаты на голодном пайке, люди боятся остаться без работы, а основное месторождение еще не тронуто и находится рядом.

– Вы так говорите, будто уже нашли его, – не удержался Роман.

– Пока не нашел, но наметки есть. Там должен быть целый подземный город.

– Подземный город? Вы имеете в виду, что кто-то уже разрабатывал его? А говорите, нетронутый.

– Что могут значить комариные укусы, муравьиная работа...

– У вас одни загадки. Нельзя ли понятнее?

– Простите, ребята, сейчас всё объясню. Дело в том, что все известные нам месторождения полиметаллов, а это свинец, цинк, золото, серебро, медь и прочие редкие металлы, разрабатывались две с половиной тысячи лет тому назад.

– Ничего себе! – присвистнул Егор.

А Степа добавил:

– Выходит, тогда знали, где это месторождение, а сейчас найти не могут?

– Выходит, что так. Вернее, в этом конкретном случае я пока только предполагаю, что знали и разрабатывали. Повторяю, если проанализировать историю, то оказывается, что все или почти все наши рудники открыты по древним чудским разработкам. Так что и это загадочное и неизвестное нам месторождение наверняка разрабатывалось, и я уже приметил следы закопашек.

– Закопушки – это древние выработки?

– Да, их еще называют чудскими. Все они по сравнению с нынешними были очень малы.

– Где же это?

– Пока это только предположения. Могу еще добавить, случайно или нет, но тут рядом на Холзуне, на горе Чемчедай российские геологи разведали гигантское месторождение железа. Считай, вся гора из магнетита. Планируют поставить город на месте вашей Столбоухи, чтобы эту гору копать, а потом руду перерабатывать, доводить до кондиции. И, видимо, главный шток полиметаллов тоже где-то здесь, где-то рядом.

– Ну и дела! – удивился Степа. – А что это за чудь такая?

– Про чудь почти ничего неизвестно. Возможно, это и не народ вовсе, а профессия. Профессия горняков, металлургов.

Языки развязались. Ребят всерьез заинтересовал разговор, и вопросы сыпались один за другим.

– А как же получается, чудь находила руду лучше, чем сейчас дипломированные геологи?

– И тут есть объяснение. Находили-то они только те месторождения, что выходят на поверхность. А их видно простым глазом, тем более если есть какой-то опыт. Руда на поверхности окисляется, приобретая желтовато-ржавый цвет, бурый, иногда почти черный. Это цвет окислов. Железо там тоже присутствует,

окисленное, оно и дает красноватый цвет. Это видно издалека, конечно, если травой не заросло. И всё это называется железной шляпой.

– Вот хохма! А почему шляпа?

– А ты где шапку носишь?

– На голове.

– Верно, вот и у рудного тела на макушке что?

– Шляпа! И правда, всё очень просто!

– А я знаю теперь, откуда произошло слово чудеса, – вдруг заявил Егор. – От слова чудь. Они и правда чудесники, раз умели руду искать.

– А что же сейчас вы по этой самой железной шляпе не можете найти ядро, о котором нам рассказали?

Вопрос мог бы показаться коварным, но Максим и глазом не моргнул.

– Во-первых, рудное тело не обязательно выходит на поверхность, во-вторых, ее могли сработать древние рудокопы, и в-третьих, ее могла закрыть каменная осыпь. Так что причин может быть несколько.

– А как же получается, две тысячи лет назад разрабатывали, а потом вдруг перестали, и чудь куда-то исчезла?

– Интересный вопрос. Я думаю, бронзовый век закончился, так как начался железный век. Медь и бронза стали не нужны. Как ты думаешь, нужен ли бронзовый нож, если есть железный? И лучше, и дешевле. А прошло две тысячи лет, и о цветных металлах снова вспомнили.

У Романа вопрос был более серьезный.

– Да, Максим, все это очень интересно, что вы рассказываете, а почему вы не поделитесь своими мыслями со специалистами, геологами-разведчиками, которые годами бьются и не могут отыскать так нужное месторождение?

– Ну, тут опять будет и во-первых, и во-вторых. Так вот: кто меня будет слушать, никому не известного геолога-поисковика, да еще и бывшего? Взащей вытолкают, да еще и осмеют. И самое главное, у меня двоякое отношение ко всем этим делам. С одной стороны, мне интересно проверить свою гипотезу, но с другой – я не хочу, чтобы на месте Тегерека, Хамира зияли шахты и безобразные карьеры, напрочь уничтожающие природную красоту. Вы как ко всей этой проблеме относитесь?

– Мы на вашей стороне. Шахт и гор из отвалов мы не хотим.

– Не хотим, а ведь бурят со всех сторон. И уран ищут, и железо, и свинец, и лес рубят безбожно. Как только бедная тайга терпит!.. Вот, посмотрите, – переменял Максим тему разговора, – оляпка купается, а потом ныряет. Я могу до бесконечности смотреть на неё. Природа – вот наша главная ценность. Лес, горы, птички, зверушки, воздух. Вот вся эта красота кругом. Да, знаете, я вам еще многое не рассказал. Я же тут выдру приручил.

– Выдру? – поразился Роман. – Её же сейчас и встретишь редко.

– Вот редко, а ко мне она чуть ли не каждый день приплывает. Я, когда рыбачу, обязательно оставляю ей рыбешку. Хариуса, естественно. И она приплывает ко мне. Сама или по моему свистку. Это сейчас её нет, вас боится. А вот норку не приветствую. Зря её завезли к нам. Наглая, везде лезет и, боюсь, она может вытеснить ту же выдру и подчистую сожрать все, что гнездится на земле... Да, вот барсука местного знаю, – добавил он через некоторое время. – Правда, дружбу с ним не могу пока завести. Недоверчивый он. И, между прочим, совершенно правильно делает, что не доверяет. Я тут в лесу много чего увидел интересного,

хоть книгу пиши о жизни зверей. В общем, это большая тема, а я, кажется, заговорился.

– Говорите, говорите, нам это очень интересно, – торопливо сказал Гоша, – мы и сами наблюдаем, где что у нас живет.

– Да, – вспомнил вдруг Максим, – а что там у вас слышно о шпане, что бродит здесь по тайге?

– Болтают разное, – за всех ответил Роман, – у кого-то корову зарезали, теперь уже им же или ему приписывают убийство, что было прошлой осенью на белках. А в общем, никто ничего не знает. Вот еще старика-пасечника мертвого обнаружили на дальней пасеке в Черновой. А сам ли умер или убили – неясно.

– Я ведь почему спрашиваю, – продолжил Максим, – тревожно становится, хотя трусом себя не считаю. На той неделе было. Человек замаячил невдалеке. Здесь это редко бывает. Я его окликнул, а он мелькнул и исчез. Странно это. В тайге ведь как, если встретились два человека, надо обязательно поздороваться, показаться. А тут какие-то прятки. Это всегда настораживает. Хотя я сам отшельник, но убежать – это слишком. Вы, кстати, где собираетесь ночевать? А то можете у меня. У меня тут убежище есть. Правда, не очень надежное. Можно сказать, избушка на курьих ножках. Где подгнило, где протекает, но я человек такой, что и без комфорта могу обходиться. Знаете, что такое геолог-полевик? – И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Это человек, который может довольствоваться самым малым. Вечно голодный, замерзший, промокший под дождем. В еде, в жилище сплошной аскетизм. Отсюда далековато до моей фазенды, но у меня тут поблизости есть временные убежища, например, на случай дождя. Тут недалеко есть грот-пещера в скале. Холодно, правда, в ней, как в холодильнике. Но какое-никакое, а укрытие. Река там как в каменной трубе. Ревет, грохочет, зажатая скалами. А вот если река разбухла от таяния снега в горах или от дождя, тогда можно переждать – переночевать, дождавшись спада воды. Ждать, бывает, приходится долго. Или рисковать, чтобы перебрести. Сколько так людей погибло! Да, а сейчас куда вы держите путь?

– На Холзун идем, – ответил Роман. – Сначала поднимемся в верховья Нарымки, а там дальше через Холзун. Если позволит погода и будет время, на Катунь спустимся.

– Ну, с богом! Там, рядом, где будете проходить, в верховьях Талового Тургусуна изба стоит. Геологи-разведчики работали, а теперь она брошена, так что в случае чего можете остановиться. Между прочим, там кое-что нашли, свалы называются. Это верхушки месторождения, а что дальше, внизу – неизвестно. А вернетесь, приходите, еще поговорим. Или вместе поищем подземный город. Я тут у вас собираюсь быть до конца сентября – середины октября. Смотря как погода позволит. Искать лучше поздней осенью или весной, когда трава пожухнет и обнажится земля. А сейчас в наших травяных дебрях ни закопушку, ни отвал не найдешь. Так что я вас приглашаю. Пошаримся, как говорят сибиряки. Ну, как? Это же приключение – первый класс!

– Мы не против, но в сентябре начинается учеба. Вот если бы в августе, нам бы подошло.

– Приходите в августе, лучше в конце месяца. Кстати, – оживился Максим, – когда будете спускаться с Холзуна, поклонитесь могиле геолога Петца. Памятник стоит на правом берегу реки Банной, ее еще Хаир-Кумин называют, тезка нашего

Хамира. Вы обязательно будете проходить мимо и найдете его – каменная пирамида, правда, сильно разрушенная. Это был талантливый геолог, подававший большие надежды, любимец Семенова-Тян-Шанского. Погиб совсем молодым в 1908 году во время переправы через реку. Тогда алтайские заводы практически остановились из-за истощения рудников. Искали новые месторождения, вот Петц и делал геологические съемки. А мне кажется, что он и хотел попасть в вершину нашего Хамира, прогнозируя там то самое месторождение, которое я подозреваю и о котором рассказываю. Вот не повезло ему – жизнь свою отдал, а тайна месторождения так и осталась нераскрытой.

– Максим, – с некоторой неуверенностью начал Роман, – я вот слушаю, а сам думаю: как же так, рудники остановились из-за того, что кончилась руда, а как же сейчас они работают с большой производительностью, такой, что сто лет тому назад и не снилось? И Зыряновский комбинат, и Лениногорский. Откуда руда-то вдруг появилась?

– Молодец, Роман, – похвалил Максим, – я ждал этого вопроса. Видно, что ты уже начал соображать в горном деле и геологии. Все дело в том, что старые заводы работали на окисленных рудах, то есть отрабатывали верхушки месторождений, а сульфиды не трогали, так как не умели обогащать руду, то есть отделять рудные минералы от пустой породы. И это была проблема для алтайских рудников: руда есть, а вот как получить из нее металл, не знали. В конце 19 века работал на Зыряновском руднике талантливый инженер Кокшаров. Видимо, его прислал так называемый кабинет, попросту говоря – петербургские хозяева алтайских рудников и заводов, с целью реорганизации всего рудничного хозяйства. Между прочим, он был сыном знаменитого петербургского минералога. Так вот, в 1892 году он построил первую в России ГЭС. Называлась она Березовской, так как использовала воду из реки Березовки, подведенную специально прорытым каналом. Это было большим достижением, так как тогда все ГЭСы во всем мире можно было пересчитать по пальцам.

– Да, про этот канал нам говорил Станислав, когда рассказывал про Геблера, – вспомнил Роман. – Его еще раньше прорыли, когда ставили водоналивные колеса.

– Совершенно верно, – подтвердил Максим, – так и было. С помощью шкивов вращение водоналивных колес передали на турбины, и электроэнергия, вместо примитивных деревянных шатунов, стала подаваться на рудник по проводам. Естественно, Кокшаров после этого заимел большой авторитет среди горного начальства. Видимо, благодаря этому авторитету он сумел пробить в верхах проект постройки завода по обогащению зыряновских руд способом выщелачивания. Этот способ с обжигом, сульфатацией и выщелачиванием применяли кое-где на европейских рудниках. Царский кабинет поверил в идею, выделил большие деньги, завод был построен, но дело не пошло. Рудник прогорел, а кабинет потерпел большие убытки. После этого Зыряновский рудник, можно сказать, стоял почти до 30-х годов. А выщелачивательный завод, а вернее, обогатительная фабрика, стоит до сих пор, используются лишь помещения. Вот так и получилось, что самые сливки месторождений оказались невостребованными, и сейчас их отрабатывают, обогащая руду совсем другим способом, способом флотации. А Кокшаров, видимо, из-за этой неудачи попал в немилость, и имя его было забыто.

– Да, я видел это здание, сложенное из дикого камня, – отозвался Роман. – Стены внушительные, как у средневекового замка, впечатляют.

– Стены там метровой толщины, – подтвердил Максим, – и заметьте, сложены без цемента. Тогда ведь не умели делать бетон, использовали гашеную известь. Выдерживали в ямах с водой по нескольку лет, и она приобретала связующие свойства.

– Надо же! – удивился Егор. – Сплошные чудеса! А мы-то ничего не знаем хотя тут живем.

– Это ваша история, я её вам рассказываю для расширения вашего кругозора, – продолжал Максим. – Если вам интересно...

– Интересно, интересно! – хором ответили Егор и Агафон. – Продолжайте!

– Собственно говоря, я почти всё сказал, что знаю. Через долину Хамира, через Холзун прошло несколько великих геологов, но, к сожалению, мимоходом. Про Шангина я уже говорил, проходил еще Григорий Щуровский в 1844 году, в 1874-м – Иван Мушкетов и в 1914 году Владимир Обручев. Последние оба очень торопились, не подозревая, что прозевали крупное месторождение. Нам оставили это счастье открытия, – пошутил в заключение Максим и тут же поправился: – Если еще его найдем... Да, – спохватился он, – а как вы собираетесь проходить каньон Тегерека? Без альпинистской техники там не обойтись. По сторонам – отвесы отполированных водой скал, и по руслу, по воде далеко не везде пройдешь. Бесноватая там река, хотя и воды бывает немного. А вот если снега тают или дождь – лучше не соваться!

– Поднимемся на вершину гребня, скалы обойдем, – отозвался Роман.

На этом и расстались, оставив Максима у промывального лотка.

Обитатели заброшенного дома

– Я смотрю, Рома, ты полностью ему доверяешь, – сказал Степан, едва они отошли от лагеря москвича. – Что-то больно похоже все это на фантастику. Не очень во все это верится.

– Ты что имеешь в виду: рассказ про месторождение или все остальное?

– Да и то и другое.

– Нет, а я ему верю. И потом он же не утверждает категорически, что вот он открыл. Он только предполагает. Я думаю, нормальный он человек, хотя и мечтатель. А у нас – как романтик, так ненормальный. Другое дело – получится ли у него с этой идеей, это бабушка надвое сказала. Сто пятьдесят лет ищут, не могут найти, а тут один человек додумался. А я с большим желанием составлю ему компанию. Это же увлекательное дело! Ну и что, если не получится. Быка не проиграем. Ну, так как, кто со мной?

– И я, и я тоже, – едва ли не хором отвечали Агафон и Егор.

– Вот видите, мы как мушкетеры: «Один за всех и все за одного». Вместе будем разведчиками недр, а Д'Артаньяном у нас будет Максим.

В верховьях Тегерек, прежде чем сорваться в каньон, течет в выположенном альпийском поясе, пересекая морены, и успокоенно разливается, кружась меж ледниковых озер. Там визгливо, истерично вскрикивали сурки. Потревоженная медведица с медвежонком прервала свое занятие с разрыванием сурчиных нор и поскакала вверх по громадному снежнику. Было необычно много снега в лед-

никовых карах северного откоса обширного горного цирка, образующего истоки сразу нескольких рек: Большой Речки, Нарымки и Громотушки. По соседству зарождались Тегерек, Таловый Тургусун. Дальше на севере, за Тегереком, проглядывал хребет Холзун – водораздел между бассейнами Иртыша и Оби.

– Глядите, вот хохма, изба стоит! – вдруг углядел Агафон.

– Ты что, с какого перепугу тебе померещилось?! – не поверил Егор.

– Да вон же, за Нарымкой!

– И верно, изба!

– Так это же дом вахтовиков-геологов. Скважину пробурили и бросили. Максим ведь говорил про нее, там руду нашли. Наверняка теперь там никого нет, можно приходиться и жить.

– Да, высокогорный приют, лучше не придумаешь. Может, там и заночуем?

– Нам не по пути, – в задумчивости сказал Роман и посмотрел на небо.

Грозные тучи тяжелым фронтом шли с запада. Не прошагали и полчаса, как посыпалась снежная крупа, после чего хлопьями повалил влажный снег. Одежда быстро намокала, и стало ясно, что надо вставать на ночлег. Но как сушиться, если нет дров?

«Надо скорее в дом!» – таково было общее решение и, пожалуй, единственный выход. Еще два часа под мокрым снегом торопливо шли или бежали, теряя высоту, с такими усилиями только недавно взятую. Когда подходили к избе, снег был по щиколотку.

Заброшенный дом, да еще в таком диком месте, обычно вызывает не ожидание уюта, а наоборот – тревогу. Но сейчас ребят гнала одна мысль: забраться под кров и разжечь огонь, чтобы подсушиться. Вблизи строения стало понятно, что ветер, мороз и солнце изрядно поработали для разрушения человеческого творения. Болтался, погромыхивая, кусок оторвавшегося железа на крыше, зияла дыра на месте разбитого стекла в окне, шевелилась и скрипела на петлях полураскрывшаяся входная дверь. Не лучше было и внутри, где царил хаос запустения. И хотя стояли кровати, стол и даже шкафчик, они вовсе не оживляли картину, а, наоборот, подчеркивали заброшенность и разорение.

Но уже изрядно промокший и продрогший Егор, а за ним и все остальные восхитились:

– Ого! Да здесь целые хоромы, вот заживем так заживем! Даже печка есть. И еду приготовить и погреться.

Он взялся подметать пол, остальные натаскали дров, в избытке валявшихся вокруг. Дыру в окне закрыли куском фанеры. И правда, жить можно!

– Надо бы еще трубу посмотреть, чтобы пожар не сделать...

Сказали и тут же забыли об этом, тем более что печь затопили, и дым, живо повалив сначала в дом, потом весело потянул в трубу. Вскоре блаженное тепло разлилось по комнате, а за стеной продолжался снегопад.

– Смотри-ка, хорошая тяга, – удивлялся хозяйственный Егор.

В таких делах разбирались все – тот же Агафон не раз растапливал дома печь.

– Чего удивляться, когда на улице зима, а в избе еще сохранилось какое-никакое, а тепло вчерашнего дня. Вот она и тяга.

После горячего ужина все устроились на ночь, кто как хотел. Незаметно наступил вечер. За окном белая тьма – там металась пурга, снег продолжал валить. Довольные, что так хорошо устроились, мальчишки делились мыслями.

– Сидим в тепле, а на улице метет... Настоящая зима!

– Да уж, в палатке бы промокли и намерзлись. А тут красота, можно и поболтать.

На этот раз в ударе был Егор.

– Мужики, знаете старый кедр, что растет в русле Хамира, не доходя Красноярки?

– Ну, знаем, – за всех ответил Агафон. – странный такой кедр, всюду пихтача а тут одно кедровое дерево, и всегда с шишками.

– Так вот, кого я там видел, не поверите! – продолжал Егор. – Гляжу, что-то за кедром мохнатое и вроде как шевелится. Ну, думаю, колонок или белка. А тут выглядывает медвежья голова. Да так вроде как исподтишка. Знать, любопытство его взяло, и тоже, значит, побаивается.

– Ага, медведь побаивался, а сам ты, небось, в штаны наложил от страха.

Степа не упускал случая, чтобы подтрунить над Егором.

– Нет, кроме шуток, я вам всерьез хочу рассказать про мишку! Там у перевоза люди ходят, машины, а как он там оказался, ума не приложу. То ли рыбачил, то ли малину жрал. Мне показалось, что он раскачивается из стороны в сторону.

– Ну да, это он покачал головой: «Какой же ты дурак, лазишь где попало».

– Это вы все дурачитесь, а мне жутковато было. Зверюга-то как гора, а что раскачивался, так это он рассматривал меня. Видно, старый, со зрением у него туговато. Потом уж почувал да дал деру...

– А я вот о чем сейчас подумал, – проговорил Степа. – Мы сидим в геологическом домике у черта на куличках, а я вспомнил то ли легенду, то ли быль про такую же геологическую избушку где-то в якутской тайге. Тогда впервые нашли сибирский алмаз. И вот сидят полевики-геологи, пьют вечером чай в этой избушке и рассматривают неказистый маленький камешек, этот самый алмаз. Поговорили о нем, да и забыли. А через несколько дней спохватились: где тот камешек? Все перерыли в избушке – нет алмаза. А ведь открытие величайшее, терять образец никак нельзя. Думали, думали, что делать, и решили: спалим избушонку, пепел процедим через руки – никуда он не денется – найдется.

– Это они здорово рисковали, – подал голос Егор, – в огне этот алмаз мог еще хуже потеряться. Расплавиться или еще как пропасть.

– А вот не пропал, нашли.

– Это к чему ты все это рассказал? – с иронией спросил Роман. – Уж не собираешься ли ты спалить наш домик? Глядишь, золотой самородок найдем. Мы же на месторождении сидим.

Степа не успел ответить.

– Слушайте, а что это наверху стучит? – вдруг встрепенулся Гоша.

– Что стучит, где? – не понял Егор.

– Где-где! Вроде как на чердаке... Вот опять! Слышите? «Топ-топ-топ!»

А теперь крадучись пошел, видно, на цыпочках. Не иначе домовой!

Агафон говорил то ли в шутку, то ли всерьез.

– Какой тебе домовой! – возразил Егор. – Дом-то нежилой! Тогда уж Леший.

А скорее всего, мыши бегают.

– Ничего себе, мыши, скажешь тоже! Мышь размером с кошку или с собаку.

– Дом с привидениями! Да ветер это гудит, колотит по крыше, – предположил Степа. – Пусть себе стучит, нам-то что.

– И верно, – согласился Егор, – а вот что моя бабушка рассказывала из старой жизни. Было это давно. Залезла она в яму для ловли косачей. А там сидят зайцы. Где ей там в яме-то их увидеть! А они, не будь дураками, один за другим вскочили ей на спину и были таковы. Да еще, выпрыгивая, всю шубу изодрали лапами. А бабка от страха, неожиданно ведь все было, да и темно в яме, и дар речи потеряла.

– Да, чего только не бывает, – вдруг заговорил Роман, молчавший почти весь вечер. – Мне один рыбак в Алтайке рассказывал. Прибило водой к берегу утонувшую тёлку. Раздуло её, как барабан. Вонь, понятное дело, нестерпимая. Что делать? Надо закопать. Вытащили на берег. И тут открылась в её брюхе дыра. А в дыре что-то шевелится. Змея, не змея, что-то больно толстое. Любопытно! Насмелились вытащить проволочным крюком. И что же? Оказалось, налим! Понятное дело, никто даже из заядлых рыбаков не захотел взять. Тем же крюком и забросили в море.

– Да уж, про такое лучше не говорить, – с неудовольствием заметил Степа, – больно неприятно.

– Стой, стой! Тихо! – перебил его Агафон. – Слушайте: кто-то кричит!

Все примолкли. С минуту стояла тишина, нарушаемая лишь шорохом снежной крупы, бьющей в окна.

– Тихо всё. Тебе, наверное, померещилось, – нарушил молчание Степа, и тут вдруг все явственно услышали с улицы глуховатое и слегка протяжное: «Ку-у-у!» И через некоторое время опять: «Ку-у-у!»

– Сова! – догадался Егор.

– Сыч это! – перебил его Агафон. – Я вспомнил, так же кричал сыч у соседей во дворе, а мать сказала: «Не к добру это, ой, не к добру! Сова кричит, беду накликает». Отец тогда рассмеялся: «Что ты ерунду, мать, говоришь. Какую беду может накликать птица?» А мать ничего не ответила, замолчала.

Замолчал и Агафон, но было понятно, что он что-то не договорил, причем самое главное.

– Ну и что дальше? Дальше-то что? – в нетерпении торопили его ребята.

– А что дальше... Соседка умерла, бабка Агафья.

– Так она ж старая была, мы-то её помним, – заметил Егор.

– Старая-то старая, а вот откуда это было знать сычу? Смерть-то он как почувал?

– Просто случайное совпадение, – коротко сказал Степа.

– Это ты так думаешь, а народ по-другому объясняет.

– Чревовещатель сыч, – иронично съехидничил Степа. – А ведь это он и бегал по потолку, мышей гонял. Ай да сыч!

– А ты бы лучше не смеялся, как бы боком не вышло, – сердито отвечал Агафон. – Грешно смеяться над такими вещами.

– Ладно, бросай балдеж, спать пора! – твердо поставил точку спору, перешедшему в перепалку, Роман.

На Холзуне

Утро следующего дня было туманным, но снег кончился. Пока собирались и завтракали, туман за клубился и стал на глазах таять и подниматься ввысь, в конце концов превратившись в белые облачка, плывущие по небу. Вышло солнце, и снег стал быстро сходить, к полудню оставшись лишь в ложбинах и на теневых

склонах. Природа, будто оправдываясь за вчерашнюю непогоду, одаривала теплом и комфортом. Путешественники наслаждались не только созерцанием горных пейзажей, но и любовались полетами птиц, среди которых виртуозными пируэтами и звонкими голосами выделялись асы высокогорья: красноклювые клушицы и желтоклювые альпийские галки. Веселая стайка каких-то альпийских вьюрков с щебетом опустилась на крышу дома. Увидев людей, они тут же упорхнули, а у Егора возникла идея проверить чердак на предмет розыска его обитателей. Однако никто его не поддержал, а Роман заметил:

– Если там домовый или привидение, то они надежно спрятались, а если сыч, то он давно улетел с пойманными мышами в желудке.

... Теплая стоянка обернулась значительным удлинением маршрута. Предстояло снова подняться на гребень, а потом опуститься, чтобы вернуться в бассейн Тегерека, но никто из ребят об этом не жалел, очень уж понравилась ночевка.

Самое серьезное препятствие ожидало ребят к концу дня: надо было перейти бурный Тегерек и не менее буйный его приток. Но из-за таянья снега и тот и другой разыгрались так, что на бушующие мутные воды было страшно смотреть. Несколько минут все молча стояли, глядя на грозные валы взбесившейся воды, и у каждого была одна мысль: соваться в такую реку безумие.

Но Роман был спокоен:

– Разбиваем лагерь, а утром будет видно, что делать.

Роман правильно рассчитал. На рассвете реку было не узнать: Тегерек струился двумя рукавами, утихомиранный и присмиривший. Роман быстренько поднял всех. Без проблем перешли оба потока, а потом развели большой костер, чтобы подсушиться и погреться. Сразу было решено сделать здесь дневку. Все устали и хотели насладиться не только отдыхом, но и красотами высокогорной долины.

Дальше всё было просто. По одному из левых притоков Тегерека путники поднялись на водораздельный хребет между долинами Тегерека и Хамира. Открывшаяся картина всех немного разочаровала. Они увидели цирк, но вовсе не такой грандиозный, как в верховьях Тегерека. Хотя и здесь были снежники и кары, но все меньших размеров. Сам же водораздел бассейнов Оби и Иртыша выглядел невысоким зеленым плоскогорьем. Зато чем ближе к нему подходили, тем больше становилось бабочек. Кажется, путники попали в рай из цветов, бабочек и пейзажей, радующих глаз. Порхали высокогорные белоснежные аполлоны, всюду роились темные чернушки – нежные, будто бархатные, создания.

Ребята наслаждались теплом, нежарким солнцем и осознанием того, что намеченный план выполнен, – и были вполне счастливы.

– Неужели это и есть Холзун? – недоверчиво повторял Егорка. – То корячились на верхотуру, карабкались по скалам, а здесь совсем пологий склон и гораздо ниже, чем на Громотушке.

– Да это водораздел между бассейнами Оби и Иртыша, – отвечал Роман. – К тому же граница Казахстана и России.

– Странно получается, – с Егором согласился Степан, – главный хребет куда ниже его отрогов.

– В природе всякое бывает... – важно изрек Роман. – Смотрите, тут настоящее болото. Вода стоит, будто в озере.

Действительно, картина была удивительной. Озеро не озеро, вроде болото, но с каменным дном, хотя и заросшее травами. Вскоре обнаружилось, что есть

и стоки из него, причем в разные стороны. Одни ручейки бежали с Холзуна на юг, другие – на север.

– Вот что значит сглаженный рельеф, – в задумчивости проговорил Роман, – редко такое увидишь, чтобы с одного болотца в горах рождались реки, бегущие в разные стороны водораздела.

– Как это? – не понял Егор.

– А так, что ручей, бегущий на юг, относится к бассейну Иртыша, а тот, что на север, – это уже бассейн Оби... А ведь это еще Геблер заметил, – вспомнил Роман. – Ничего не изменилось с тех пор, и это хорошо.

Все бросились смотреть на такое чудо: получалось, что рыбешка может путешествовать и даже переваливать через высокие горы.

Так, делясь впечатлениями и обходя озерца и заросли карликовой березки, они дошли до сухого взгорка с торчащими из травы валунами. Одни из них были затянuty затейливыми узорами разноцветных лишайников, другие – с чистыми боками, на которых проступали неясные очертания примитивных рисунков. С удивлением разглядывали путешественники изображения козлов, оленей, письма, похожие на иероглифы, и еще какие-то непонятные знаки. Кто и когда их выцарапал, никто не знал и не слышал об этих рисунках. Ясно было одно: сделали их древние люди. Чуть подальше стояли каменные истуканы – балбалы. Раскосые глаза безмолвно и сурово глядели с плоских ликов. Скрещенные на животе руки оттеняли враждебность их поз. Явно эти каменные воины стояли на страже, охраняя от чужеземцев какую-то тайну. Какую – никто этого не знал, даже живущие ныне алтайцы, давно потерявшие связь с древними временами.

– Странно, что за люди всё это строили, городили, рисовали? Неужели кто-то жил здесь, на такой верхотуре? Стражи Хан Алтая, – то ли шутя, то ли всерьез сказал Степан.

Все промолчали, но в душе каждый согласился с этим предположением.

Между тем пора было подумать о ночлеге. Роман со Степаном долго ходили по берегу озерка-болота, выбирая место посуше, чтобы поставить палатку. А палатка-то – две сшитых клеенки. Собирали сушняк стелющейся тундровой березки. Егор откуда-то из-под торчащей зубом скалы приволок сухую корягу отмершего низкорослого кедра. Все были заняты делом, торопясь перед сном приготовить ужин, – солнце было уже на закате.

Вдруг Агафон прервал молчание, возбужденно воскликнул:

– Глядите, глядите! Что это летит?

– Где? Что? Какая птица? – Егорка и Степа перебивали друг друга.

– Братцы, к нам движется летающая тарелка! – не менее возбужденно воскликнул Роман. – Вот так штука, это же НЛО!

– Что-что?! – не понял Агафон.

– Неопознанный летающий объект, вот что!

Степа вместе с другими напряженно всматривался в стремительно приближающийся к ним диск, сверкающий и блестящий в лучах заходящего солнца. Размером он был с луну или солнце. Но это на большом расстоянии, а каков он будет вблизи – трудно себе представить. Явно межпланетный космический корабль!

Между тем диск летел прямо на ребят, и становилось страшновато – что он таил в себе? Что же это на самом деле?

– Что бы это ни было, но оно летит к нам. Нас атакуют инопланетяне! – то ли в шутку, то ли всерьез вырвалось у Агафона.

– Захватят в плен, увезут на неведомую планету!

– Держи карман шире, слишком много для нас чести, чтобы лететь именно к нам, – насмешливо заметил Егор, – а вот как бы эта штука не взорвалась! А нам и укрыться негде.

Тарелка, НЛО или еще черт знает что продолжало приближаться, и даже Роман обычно рассудительный и всезнающий, на этот раз молчал, не зная, что сказать. Но вот легкое облачко перекрыло видимость, диск скрылся за ним, и стало ясно, что он летит гораздо выше, чем казалось, и вскоре исчез вовсе, будто растворился в небесной лазури.

Напряжение спало, и стало даже смешно из-за глупых страхов.

– Я смотрю на тебя, Агафон, а лицо твое белое, как снег, – смеясь, заметил Степа.

– Я-то что, а вот Егор всё глядел по сторонам, куда бы спрятаться!

– Вы что хотите думайте, но место тут какое-то необычное, – заметил Егор, – заколдованное, что ли. Взять хотя бы вот эти древние рисунки, непонятно кем и для чего здесь нарисованные.

– Ага, как же, космодром инопланетян, – иронично заметил Степа, – тут ещё неподалеку Шамбала, придуманная Рерихом. Всё одно к одному, не хватает только снежного человека.

Все оживленно обсуждали происшествие, теряясь в разных догадках, пока, наконец, Роман не высказал свою гипотезу, похожую на истину:

– Это запустили в космос ракету, а мы видели отделяющуюся от нее ступень. Она летит по инерции и где-то должна или сгореть, или упасть.

– А-а, я что-то понимаю, – признался Агафон, – я слышал, что охотники в долине Тургусуна находят странные предметы, железяки из алюминия, и кто-то даже приспособил их у себя в хозяйстве.

– Значит, железяка эта всего-навсего пустая болванка, – судачил Егор, – а мы-то напугались!

– Такая железяка шарахнет по башке, мало не покажется, – поддакивал Агафон. – Кто ж её знает, где упадет.

Вечер пришел холодный, с ледяным ветерком. Сидели, грелись у костра, рассказывая были-небылицы.

– Сидим мы тут на Холзуне и в ус не дуем, не знаем, что бывает на этих белках зимой, – начал свой рассказ Егор. – А мне дед рассказывал, как его дед через этот Холзун ходил в Уймон и, бывало, не только летом, но и зимой. Он там и жену себе подглядел в молодости. И не он один так бродил. Из Уймона на Бухтарму тоже за невестами шастали.

– Ты говори, говори, да не заговаривайся, – вставил Агафон. – Знаю я тебя, любишь ты приврать. Летом и то мы кое-как сюда забрались, а ты – зимой!

– Ей-богу, не вру! – вспыхнул Егор. – Спроси хоть моего отца.

– Давай, рассказывай, – подбодрил Роман. – Старики свое дело знали, нам только позавидовать можно.

– Так вот, этот дед, будучи молодым, навещал родню на Катунь и как-то вздумал идти зимой. А путь ему был знаком еще и потому, что под белками он еще и охотился и осенью, и зимой. И вот где-то у вершины Холзуна застаёт его метель. Метет – спасу нет. Видимости нет – не знает, как идти, да и опасно – оплывина

задавит. А он, не будь дураком, с собой две меховые шубы прихватил. Знал, что такое зима в горах. Закутался в них с головой и спит себе, засыпанный снегом. Так метель два дня гужевала, а на третий день, когда смолкла, вылезает дед живой и здоровехонький. Конечно, он тогда не дедом был, крепким деревенским парнем.

– Бывает, – заметил Степа, – в снегу, да еще с двумя шубами, пожалуй, можно и отлежаться. Косачи и без шубы в снегу ночуют.

– Ну, ты сравнил божий дар с яичницей. Косачам так положено ночевать, а тут человек.

– А я вот насчет этого божьего дара хочу что сказать, – вмешался Егор. – У меня мать часто эту поговорку вспоминает, а я все время думаю: и что это за божий дар такой – пустое место. То ли дело жареная яичница, да еще и с зеленым лучком. Пальчики оближешь.

– Тебе все бы про жратву, – с неудовольствием заметил Роман. – Сколько в мире есть всего прекрасного, а ты про какую-то яичницу. А я вот все вспоминаю, как учительница рассказывала про одного ученого. Был он знатного происхождения и своего слугу наставлял будить его со словами: «Вставайте, граф, вас ждут великие дела!» Вот как надо жить, только с таким настроем. Вставать пораньше и не забывать про свое дело. А ты про яичницу.

– А я бы сейчас не только яичницу, быка бы зажаренного съел, – заявил вдруг Степа. – Будет яичница, будут и великие дела.

– Вот и я это хотел сказать, – обрадовался Егорка.

Уймон

На следующий день путники спускались по северному склону Холзуна в сторону Горного Алтая, где сквозь горы пробивается Катунь, где в лесных дебрях затерялся загадочный Уймон. Уймон – что за странное слово, вроде бы не имеющее ничего общего с русским языком? Однако оно имеется в Толковом словаре В. Даля, хотя и упоминается как-то вскользь, и приводятся давно забытые поговорки: «Вертит, как леший в уйме», «В уйме не без зверя, в людях не без лиха».

– В общем, дикое лесное место, населенное лешими и чудищами, где можно укрыться, спрятаться, но есть лихо и не без зверя, – своими словами пытался объяснить и разобраться Роман. – На Бухтарме беглецы прятались по диким ущельям, получившим название Камня, а здесь еще более дикое место назвали Уймоном.

– Но что-то мы идем и не видим ни лиха, ни зверя, а лес даже стал реже, а трава – ниже, – заметил Егор.

– Это оттого, что здесь суше. Холзун не пропускает сюда влагу, оставляя её на южном склоне, – догадался Степа. – Глядите, что это там белеет среди пихт?

– Избушка! – признал Агафон. – Надо же кому-то сюда было забраться.

– Кому же еще, как не охотнику-промысловнику, – откликнулся Роман. – Обыкновенное охотничье зимовье.

– В том-то и дело, что не обыкновенное. Резные наличники у крыши и никаких следов. К чему бы это охотнику украшать свое зимовье?

– А вы не заметили? Тут и божок стоит. Почти совсем сгнил идол, хотя и из лиственницы поставлен. Однако не меньше чем лет пятьдесят ему будет, если не больше. Странно всё это, тут что-то не так.

– Сейчас всё узнаем, – сказал Роман, наваливаясь на низенькую дверь.

Она неожиданно легко поддалась, сорвавшись со сгнивших кожаных петель. Пахнуло цвелью, сыростью и затхлостью. Что-то насторожило Романа, и он остановился на пороге, всматриваясь в темноту странного жилища. Ребята, столпившись позади, то ли с подозрительностью, то ли со страхом наблюдали за Романом. Тот действовал с осторожностью.

– Ничего не вижу, отойдите, не заслоняйте свет, – наконец попросил он.

Постепенно глаз привык к темноте, где проявилось какое-то возвышение с кучей тряпья и лохмотьев, среди которых белело что-то круглое.

– Так это же череп! – дошло до Ромы. – Пацаны, тут мертвец! – в возгласе, сорвавшемся с его уст, был ужас. – Никакое это не жилище, а старая калмыцкая могила! Мы наткнулись на заброшенное кладбище алтайцев. Сматываемся отсюда подобру-поздорову. Среди мертвых нам делать нечего.

Не оглядываясь, ребята ринулись назад, проламываясь сквозь таежную чащу. Лишь пройдя с полкилометра, они остановились, переведя дыхание.

– Вот бы заночевали рядом с мертвяками.

– Да уж, от такого соседства лучше подальше.

– Из огня да в полымя, – вспомнил поговорку Егор. – Глухая тайга, а приключений хоть отбавляй. Вот тебе и Уймон!

Переночевав на опушке леса, на следующий день путники продолжили путь вдоль шумливой речки со странным названием – Банная, прежде называли ее Хаир-Кумын северный.

– Ребята, тут, похоже, памятник, – первым заметил Агафон.

– Памятник? Ты что, откуда в тайге взялся памятнику?

– Ей-богу, сделано человеком, как бывает на кладбище.

Ребята столпились у разрушенного постамента в виде тумбы, сложенной из дикого камня. Он едва выглядывал из высокого дудника и разросшейся бузины. Вдруг выскочил бурундучишко, мигом взобравшийся на макушку обелиска. Черные бусины его глаз выражали явное любопытство.

– Да, верно, памятник, – с удивлением подтвердил Степа. – Неужели кто похоронен? Место-то вроде неподходящее, берег реки, да и деревня отсюда далеко. – И тут вдруг до него дошло: – Ребята, так это же памятник тому немцу геологу, о котором рассказывал Максим!

– Да, это памятник Петцу! – вспомнил фамилию Роман. – Тут сомнения быть не может. Жаль, что он в таком плачевном состоянии.

Кое-как попытавшись сложить обвалившиеся плиты на постаменте, ребята постояли молча, отдав дань памяти мученику науки, и продолжили свой путь.

После полудня они набрали на одинокую усадьбу, стоящую на опушке. На этот раз это был жилой дом. Хозяин, старик с длинными волосами и большой бородой, пригласил их к себе.

– Вот так и кукую бобылем, – жаловался дед Кеша. – Тоскливо одному. Только и есть из живых душ, что моя буренка да кот. И тот разленился так, что мыши гуляют. Иной раз проснешься от их возни. Пищат, скребутся, шебуршат. Сплошная нечисть! А подумаешь – значит, не один... А то еще домовый даст о себе знать, – вспомнил вдруг дед.

– Как это? – не понял Егор.

– По чердаку ходит. Его ведь днем не увидишь, но услышать можно. Особенно в непогоду. То дверцей скрипнет, то что-то уронит... Беспокойный такой стари-

кашка. А когда я сплю, спустится с чердака в мою светлицу, шарится по углам, а больше у печки. Греться, видите ли, ему надо – старенький же. Кости у него, как и у меня, ноют, особенно в непогоду. Когда дождь зарядит, страсть как свербит, мочи нет. Сплю, а сам верчусь, с боку на бок переворачиваюсь.

– А что же ест он, ваш домовой? Не одним же святым духом питается?

– Вестимо, хлебушек ему нужен. Он крохи со стола прибирает. Я утречком проснулся, а стол чистый, будто подметенный.

– Так, может, мыши это хозяйничают?

– И мыши тоже, и домовому остается. Много ли ему нужно. Когда очень уж холодно, он у меня за печкой отсиживается. Иной раз я ему туда на простеночку и хлеба покладу.

– А Михайло Иваныч не приходит?

– Как же, непременно навещает. Мы с ним в друзьях. Мне вот тут один проезжий рассказывал, как у них там, где-то на юге медведь повадился приходиться за арбузами. Встанет на задние лапы и ждет. Хозяину делать нечего, кинет ему арбуз. Тот поймает двумя лапами, схрумкает и опять выпрашивает подачку. И так пока не наестся.

– Но у вас-то арбузов нет.

– В том-то и беда, а медом его не накормишь. Слишком накладно будет. Приходится на его совесть напирать.

– Чего-то, дед, непонятно, – не выдержал Агафон. – Какая такая совесть у медведя?

– А такая же, как у тебя, а может, и лучше. Кто тебя знает. Когда этот медведь приходит, я его уговариваю, совестлю. Он послушает, послушает, да и уйдет. Ко всякому живому существу подход надо иметь. Будешь на него кричать, он ведь и осерчать может. А я ведь потихоньку, по-хорошему говорю, увещаю. Даже скотина, и та доброе слово понимает, а тут медведь. Так что мы с ним не ссоримся.

– А кто памятник на реке изуродовал? Не по-человечески ведь это.

– А кто говорит, что по-человечески? Бессовестный народ пошел. Приезжал тут какой-то человек, то ли бригадир из совхоза, то ли еще кто он – незнамо. Каменья энти в памятнике ему, видите ли, понадобились. Говорит, чего его жалеть, немчуру этого. Вот и раздолбал, накажи его бог. Дальше пойдете, еще не то увидите. Там пониже вдоль реки каменные идолы поставлены, думаю, калмаками в стародавние времена закопаны. То ли мужики, то ли бабы, стоят истуканами, а в руках рюмка. Может, вы что про них знаете?

– Это не алтайцами, не телеутами поставлено, подревнее кто-то будет, – пояснил Роман. – Алтайцы своих идолов из дерева вырезают, а тут каменная баба, да еще с рюмкой в руках. Хотя вряд ли это рюмка, возможно, просто чаша.

– А вы куда держите путь? – поинтересовался отшельник.

– В Уймон, дед, куда в старые времена люди прятаться бежали.

– Так в село али на реку?

– Какая такая река Уймон? Там Катунь одна только.

– Это по-вашему, а по-нашему – что река, что деревня – все Уймон. А чего вам там делать? Реку посмотрите, да и вертайтесь. Все одно – Алтай, что у вас на Бухтарме, что на Катунь.

Так все и вышло, через два дня мальчишки вернулись домой.

Трагедия в тайге

Лето – горячая пора для любого сельского жителя, а для пчеловодов особенно. «Июль все решает, – сколько раз повторял Петр Иванович, – будет медосбор – будем на коне. Пчелки наши трудятся, лишь бы погода не подвела, а то ведь и дожди могут зарядить». Роман и Степан безвылазно помогали родителям в поле, лишь мечтая о походах в лес и горы.

В конце месяца прошел слух, что в тайге туристы нашли скелет человека. Следователи в сопровождении лесника пробрались на место с величайшими трудностями. Разлился Хамир, да и притоки его бушевали так, что лошади отказывались идти вброд. Больше недели ждали, когда усмирятся реки. Начались без перерыва дожди, травы поднялись в рост человека. Труден был путь.

Савелий, лесник, взятый едва ли не насильно в проводники, ворчал:

– Ни в жисть не пошел бы я на то гиблое место, там и черт ногу сломит, не то что моя старушка Сивуха, да и я сам уже стал стар, чтобы карабкаться в таких дебрях.

Он же, Савелий, надоумил тогда власти, что не так уж безлюден Холзун, бывают здесь людишки, а некоторые бродят постоянно.

Вспомнили тогда, что год назад сгинули в тех краях парни-охотники, зашедшие в чужие края и погубленные невесть кем и за что. Поминали и геолога-москвича, бог знает зачем околачивающегося из года в год в верховьях буйного Тегерека. Сгинул да и сгинул – кто будет искать, лазать в каменных завалах и буераках среди скальных утесов в таежном буреломе.

Екнуло сердце у братьев – неужели Максим! И отец, постоянно наведывающийся в Столбоуху, ничем не мог успокоить, напротив, сказал только:

– Похоже, ребята, что это ваш знакомый москвич и есть. Мне то поведал Алексашин Михаил, наш участковый в Столбоухе, а откуда он узнал – видимо, от следователей, приезжавших из Зырянска. Опознали по одежде продавщица из магазина в Столбоухе, у которой время от времени отоваривался москвич, да лесник, знавший о его существовании.

Страшную находку обнаружили в зарослях ивняка на берегу Тегерека. Было ли что при мертвом теле – неизвестно. Сплошная загадка, как ни крути. В акте следствия, в графе «Причина смерти» записали ничего не говорящую и даже малограмотную фразу: «Скелетизированный труп», из которой можно было сделать вывод о нежелании и неспособности правоохранительных органов установить настоящую причину гибели человека. Единственный вывод из этой трагедии – никому не нужен человек, если не запросили родственники. А запросов не было, хотя следователи сносились с Москвой, где прописан был погибший. Оттуда пришел ответ: да, числится, но уже не работает в институте, год назад уволился, о родных сведений нет.

Несчастных случаев в тайге, даже в знакомых ребятах окрестностях Столбоухи, не счесть. Куда больше, чем в ближайшем городке Зырянске, где и шпаны полно, и опасное горное производство на шахтах. Совсем недавно нашли пропавшего соседа – пчеловода и охотника. Ушел в декабре проверять капканы, и с концом. Сколько ни искали – пропал человек, и никаких следов. Догадывались, конечно, что под оплывину попал, но где там зимой докопаться, когда бывает, свалится сотня, а то и более тонн снега. И верно, лишь в мае месяце вытаял сосед, и где... на дереве зацепился. Как ахнула лавина, так вместе с человеком вымахнула через

речку, остановившись лишь на противоположном склоне горы. Беднягу к березе припечтало, а снег после такого удара становится плотным, что твой бетон – не выкарабкаешься. Страшная смерть – быть заживо замурованным.

Вот и москвича останки свезли в Путинцево, похоронили на местном кладбище, да и забыли. Забыли – кому нужна чужая душа?

Зато для братьев смерть Максима была трагедией. Снова и снова на память приходила их последняя встреча и разговор, оставивший яркий след в их душах. Несомненно, Максим был человеком неординарным, не похожим на других. Отказ от цивилизации и привычного комфорта, образ мыслей, преданность своему делу – всё это привлекало. Особенно пришелся он по душе Роману, тянущемуся к знаниям и мечтающему посвятить себя науке. Нравились в москвиче и привязанность его к родным местам братьев. Даже отшельничество, нелюдимость и угрюмость Роман оправдывал в этом чужом человеке.

Военная операция

Что же случилось с опытным таежником? Этот вопрос волновал и Романа, и Степана. Даже для них было ясно, что следствие провели формально, а вернее даже, что его и не было на самом деле.

«Надо самим побывать на месте, найти бывшее его жилище. Возможно, там остались его рабочие записки, результаты его геологических изысканий, наверняка представляющие интерес для геологов». Так думали братья и твердо решили пробраться на место, попытаться найти хотя бы какие-то следы трагедии и попытаться разобраться, что же произошло. Но вначале надо было найти жилище Максима.

Их знакомый Пахом Ильич, опытный охотник-соболятник, исходивший горы, подсказал:

– По всем ущельям и охотничьим участкам разбросаны охотничьи избушки. Большая часть их теперь пустует, некоторые совсем пропали, другие еле-еле живы. Но переночевать можно, а в некоторых даже и перезимовать. На Тегереке избушка стоит в вершине Длинного ручья. Знаете, где Длинный ручей? Вот-вот, не доходя водопадов, свернете по левую сторону и шпарьте по ручью вверх, пока не упретесь в кедрчак. Там и избушка. В каком она сейчас состоянии, не знаю, но думаю, если подшаманить, вполне можно и соболевать.

Собраться всем удалось лишь в начале августа, да и то отпросились у родителей всего на три дня. Долго и спорно обсуждали план действий.

– Тайник надо искать, – убеждал Егор. – Там могут оказаться и ружье, и записные книжки. А тайник, скорее всего, вовсе не в избе, а где-нибудь в другом месте. Например, в пещере или дупле.

– Где же ты его найдешь, дупло? В лесу сколько деревьев! – кипятился Агафон. – Что, их все осматривать? Ничего из этого не выйдет.

– Деревьев-то много, а дуплистыми бывают только тополя, – гнул свою версию Егор. – А тополя растут только вдоль речек. А дуплистых среди них раз-два и обчелся. Вполне реальная задача найти.

Роман со Степой помалкивали, надеясь, что тайну гибели Максима поможет разгадать его жилье. Не может быть, чтобы там не осталось следов.

Тегерек встретил путников настороженной тишиной. Давно уже умолкли птицы, готовясь улетать в теплые края, и лишь неумолчный шум реки сопро-

вождал четырех друзей на всем их пути. Егор и Агафон вели себя беззаботно, радуясь встрече с полюбившимся ущельем, но Роман и Степан были более чем серьезны. Оба не забывали озабоченность Максима в последнюю их встречу и были твердо уверены, что Максим был убит бандитами, присутствие которых он чувствовал. А раз так, то надо соблюдать осторожность, быть начеку и помнить, что бандиты могут встретиться и им. Тайком от родителей братья взяли с собой ружье с патронами, заряженными жаканами, они же посоветовали и Егору прихватить из дома также тайком мелкокалиберную винтовку. В какой-то степени разрядкой напряженности стала картина, возникшая в лучах утреннего солнца. Ночной туман над рекой стал рассеиваться, и, как чудесное видение, вдруг возникла пара лосей, стоявших на берегу Тегерека. Они спокойно взирали на путешественников, а потом не торопясь и даже как-то церемонно и плавно скрылись в прибрежном тальнике.

– Какие красавцы! – произвольно вырвалось у Степана.

А Роман добавил:

– Вот тебе и разгадка, как можно прожить в тайге без магазина и огорода.

– Да, лосей бьют все кому не лень, – согласился Степа, – пасечники, и даже лесники, и егеря, обязанные охранять диких животных. Вот только как сохранить мясо летом, когда жара доходит до тридцати градусов?

– А ты забыл наш домашний ледник? До середины лета в погребке снег долеживает. Опытные таежники сушить мясо умеют. Находят выход.

Путники подошли к горке промытого песка на берегу Тегерека, где еще недавно они беседовали с Максимом. Не сговариваясь, ребята молча остановились, отдавая дань памяти человеку, который так быстро и внезапно вошел в их жизнь и почти стал их другом. Было тихо, где-то щебетали птицы, ветер слегка шумел в верхушках деревьев, солнце светило так, будто никакой трагедии не происходило. Тем не менее Роману показалось, что и ветер потихоньку плачет, а птички и река поют грустную песню.

В унисон настроению ребят вдруг где-то рядом застонала, во весь голос закричала желна, и голос её, печальный и тягучий, как звук певучей, но грустной зурны, разнесся на всю тайгу. Обычно саркастичный Егор на этот раз никак не прокомментировал, не сказал ни одного язвительного слова в адрес лесного лешего, как он обычно называл черного дятла.

Из состояния транса всех вывел звонкий крик кулика-перевозчика, присевшего рядом, у самой воды.

Первым заговорил Агафон:

– Если здесь кто и живет, то ходит очень осторожно, – заметил он, оглядывая поляну со всех сторон, – нигде никаких следов человека.

– Зато, смотрите, какой-то зверь наследил, – в тон ему ответил Егор и добавил с удивлением: – Какие-то они смешные, следы, хотя и четкие. Кто-то бегал по мокрому песку, лапки маленькие, аккуратные, а впереди будто гвоздями песок истыкан. Кто знает, что за зверь?

– Лиса, однако, – предположил Степа.

– Какая лиса, если когти чуть ли не в ладонь!

– Вот загадка, живем в лесу, а разгадать не можем!

Предположения сыпались одно за другим: рысь, росомаха, даже бобр, хотя такого зверя здесь отродясь не знали.

Рысь отвергли – мал след для большой кошки. Да и зачем ей когти выпускать на ходу, она их наоборот втягивает. А вот если россомаха? Ее никто из ребят не видел. Может, она и наследила?

Про следы забыли, углубившись в травяные дебри, и вдруг в зарослях мелькнула полосатая спина убегающего зверя. Барсук! Вот и разгадка странных следов.

– А коготки-то у него, пожалуй, больше медвежьих будут, – заметил Агафон.
– Покопай-ка землю лапами без когтей!

Вспомнили, что про барсука упоминал и Максим. Видно, тот самый барсук, что не захотел дружить с геологом. Эх, Максим, Максим!

У Длинного ручья Роман разделил их на две группы.

– Видимость здесь плохая, идем порознь, подстраховывая друг друга.

Остатки тропы кое-где сохранились, но в основном ребята шли, проламываясь сквозь травяную чащу.

– Глянь-ка, заломленная дудка борщевика, – приметил Агафон, шедший в первой паре с Романом.

– Да, это мог сделать человек, – согласился тот, – причем недавно, излом совсем свежий.

Вскоре увидели и отпечаток сапога на сыром участке голой земли, и он произвел на обоих такое же гнетущее впечатление, как когда-то на Робинзона Крузо – следы людоедов, высадившихся на его необитаемом острове. Еще более зловещая находка ожидала дальше. Зоркий глаз Агафона обнаружил среди кустов мордовника и борщевика заточку – самодельный нож, из тех, что обычно изготавливают эски в зоне из напильников.

– Неприятно брать, но надо приобщать в качестве возможного свидетельства преступления, – сказал Роман, засовывая заточку в рюкзак.

И чем дальше они продвигались, тем больше обнаруживались следы человека, и тем больше росла уверенность в том, что предполагаемая избушка может быть обитаема.

– Судя по примятой траве, тропа явно хоженная, хотя и не часто, – сообщил Роман Егорке со Степаном, когда все собрались вместе. – Пихтач редееет, где-то уже близко кедровник, а значит, и зимовье вот-вот будет. До охотничьего сезона далеко, так что там явно не соболятник, а кто, мотайте себе на ус. Что будем делать?

– Как что! – с некоторым возмущением отозвался Агафон. – Для чего же мы сюда перлись, если не для того, чтобы осмотреть хижину!

– Есть план, – сообщил Егор, – мы с Агафоном, парни деревенские, идем за шишками, просимся на ночлег, а вы вдвоем нас страхуете, спрятавшись в кустах.

Риск явно был, но, скрепя сердце, братья согласились, и обе партии снова разделились, теперь по другому принципу.

Здесь уже росли кедры. Ах, какие красивые это были деревья! Старые, но еще могучие великаны, причудливые, как в сказке, похожие на лесных чудищ. Корни и комель в наплывах, напоминающих лица бородатых великанов, а в одном из них дупло, где мог спрятаться человек и, сидя, например, переждать непогоду. Другой великан, уже обломленный, почти пень, никак не сдавался и пустил новые ветви почти от комля, хотя внутри ствол был пустой, и в дупле могли укрыться не менее трех человек.

– Вот, а говорили, что дупел здесь не найти, – торжествовал Егор, – и в кедрках есть удобные ухоронки для тайника.

Все сели передохнуть, подъем был тяжел.

«Да, действительно, Егор прав», – подумал про себя Степа, но сказал совсем другое:

– Говорят, если похоронить человека в кедровом гробу, то он не гниет и лежит там мумифицированный.

– Ну, если кедр свежий, пропитанный смолами, тогда, может, и мертвец забальзамируется, – предположил Роман.

А Агафон тут же рассказал историю из прошлого своей семьи.

– Мой дед, он жил в Александровке, знаете такую деревню за Зыряновском? Так вот, когда ему исполнилось 75 лет, стал он готовиться к смерти. Выдолбил гробовину из кедра, поставил её на чердаке и говорит родным: «Положите, когда помру, иначе хлопот с покойником не оберетесь». Те молчат: значит, так и надо. А он живет себе, поживает. Тут прибегает кто-то из деревни: «Дед Емельян, Христа ради, одолжи домовину, бабка Лукерья померла. Хоронить надо, не будет же она ждать, когда кто-то изладит». Деду делать нечего, отдал гроб, себе новый издолбил. И так делал шесть гробовин, пока в седьмой самого не положили на 95-м году.

– Хорошо пожил твой дедушка, – отозвался Степа.

А Роман добавил:

– Да, был такой обычай у русских, вроде бы жутковатый, но практичный. Где ж его, гроб, в деревне срочно сделать, покойник ждать не может. А так и родным хлопот меньше.

Прошли еще немного, и вскоре показалась избушка – низенький примитивный сруб, сложенный из бревен и крытый корьем и насыпной землей, поросшей густым бурьяном.

– Тсс! – Роман, шедший первым, приложил палец к губам. – Кажется, мы пришли.

Спрятавшись за толстыми деревьями, Степан с Романом наблюдали за действиями друзей. Слышно было, как те громко окликнули хозяев, а затем зашли в избушку. Некоторое время их не было. Томительное ожидание продолжалось совсем недолго – вскоре оба вернулись к товарищам.

– Избушка действительно обитаема, – запыхавшись, сообщил Егор, – но сейчас там никого нет. Две постели из тряпья, какая-то грязная посуда.

– Пепел в печке еще теплый, ушли недавно, – перебивая Егора, добавил Агафон.

– Да, возможно, они где-то совсем недалеко, – согласился Егор. – Возможно, сейчас наблюдают за нами. Кто их знает, почему-то ушли и не откликнулись. Мы тоже не стали рыться, неудобно как-то, раз здесь живут.

– Правильно сделали, – одобрил Роман.

– Вижу дупло! – вдруг воскликнул Егор, и не успели друзья откликнуться, как он подбежал к развесистому кедру и засунул руку в чернеющее отверстие. – Есть, что-то есть! – крикнул он, и вдруг гулко одновременно с этим откуда-то со стороны ударил выстрел.

Слышно было, как жакан шлепнулся в дерево, отколов изрядный кусок древесины.

– Ложись! – крикнул Роман.

Все упали, испуганные, но все было по-прежнему тихо. Нигде никого не видно, и он вполголоса отдал другой приказ:

– Уходим!

Врассыпную все кинулись в лог, заросший высоченной травяной чащей. Среди топота ног и шума травяных дебрей еле слышен был приглушенный то ли возглас, то ли вскрик, которому никто не придавал значения. Мало ли кто споткнулся или упал. Пробежав довольно много, стали собираться в кучку, и тут обнаружилось что нет Агафона.

– Ребята, кто видел Гошу?

– Да где там углядеть в такой травнице! Он всегда отстает, вечная тихуша, – сказал Егор. – Надо подождать, он сейчас подойдет.

– Ладно, подведем пока итоги нашей разведки, – сказал Роман, когда все отдышались. – Избушка обитаема, и я предполагаю, что там живут люди, причастные к гибели Максима. Стреляли, я думаю, для остротки, чтобы нас напугать. Чтобы убирались побыстрее. А больше сказать-то мне и нечего. Разве что решить вопрос: молчать или сообщить в сельсовет о том, что мы разузнали.

– Погодите, – прервал Романа Егор, – вот, глядите, что я вытащил из дупла.

И показал сверток, обернутый в клеенчатую ткань.

– Ну, ты просто молодчина! – удивился Степа. – И выстрела не испугался! Давай скорее показывай, что там.

Быстренько развернули сверток. Там были тетради, исписанные геологическими выкладками, и теперь не оставалось никаких сомнений, что это дневник Максима.

– Дома попробуем разобраться, что к чему, а если не разберемся, отдадим Арчбе, возможно, геологам эти записи пригодятся, – так решил Роман, и все с этим согласились.

Конечно, волнения еще не улеглись.

– Меня вот что удивляет, – начал Роман, – если это бандиты, зачем они выдали себя выстрелом? Не лучше ли было тихо отсидеться, дождавшись, когда мы уйдем?

– Испугались, что мы что-то можем найти, например, в дупле, – предположил Степа.

– Хотели нас спугнуть и прогнать, – добавил Егор. – Погодите, я еще не все сказал, – вспомнил он, – там, в дупле еще что-то есть. Похоже, там мелкашка.

– А-а, тогда понятно, – подвел итог Роман. – В любом случае теперь этим уркам остается только одно: уходить с этого места и искать себе другое убежище. А нам, кстати, тоже не стоит здесь задерживаться. Кто его знает, что на уме у этих бандитов. Да, но где же Агафон?

– Ребята! Мы тут разглаговствуем, а ведь его, наверное, захватили бандиты, – вдруг догадался Степан.

– Выходит, это он крикнул?

– Да, и я слышал что-то вроде вскрика.

– И я.

– Значит, Агафона взяли в плен? Что же тогда будем делать? – спросил Роман, оглядывая свою поредевшую команду.

Все молчали, и каждый чувствовал свою вину.

– Конечно, можно идти в Столбоуху и докладывать в милицию, – вслух рассуждал Роман. – Кажется, не наше дело вступать в боевые действия против бандитов. Теперь нет сомнения, что эти люди убили Максима.

– Похоже, так, – отозвался Степан. – Больше некому. Своими действиями они себя выдали. А товарища бросать нельзя. Это самое подлое дело. Я даже представить себе не могу, как буду смотреть в глаза его родителям. Вот что. Надо дожидаться, когда стемнеет. Когда они заснут, попробуем вызволить Агафона. Не может быть, чтобы он нас не ждал.

– Да, пожалуй, так и поступим, – согласился Роман.

Долго выжидали они, тайно расположившись вокруг избушки уже в темноте. Все было подозрительно тихо. Когда же Роман потихоньку приоткрыл дверь, стало понятно, что в избушке никого нет.

Агафон в плену

– Поймался, шенок! Еще пикнешь, крышка тебе! Понял?

Мужик зажал Агафону рот.

– Понял, дяденька! Руку больно!

– Ему руку больно! А это видишь? – страшный дядька показал Агафону зловонный кулак. – Молчи, иначе задушу.

В эту угрозу можно было поверить, и Агафон в страхе умолк. От мужика противно воняло потом и грязным телом. Волосатая рука крепко сжимала его запястье.

– Живо шагай вместе со мной, – вполголоса прохрипел он и потащил мальчонку за собой.

Путь был совсем недалек. Пихнув ногой дверь избушки, он втолкнул туда Агафона.

– Вот, одного голубчика поймал, – запыхавшись, злобно сказал он сидящему на топчане, обросшему волосами мужику в обтрепанной одежде.

Тот хмуро взглянул на вошедших и сказал безразличным тоном:

– На кой черт он тебе сдался! Что ты с ним собираешься делать?

– Как что! Будет заложником. Прикроемся, когда будет надо.

– Чушь говоришь, – злобно огрызнулся его товарищ, – лишний повод, чтобы устроили на нас загон. А насчет заложника, ты, наверное, американских книг читался. Нашим ментам заложник не помеха, убьют, не моргнув. Мы уже засветились, надо сегодня же уходить. Сейчас, немедля. Собираем шмотки, и ходу, не дожидаясь утра. Ладно, пацан нам пригодится, когда по пасакам будем побираться.

– Ну, так уж и сегодня. Лягавые раньше, чем дня через три, не соберутся.

– А мы их, по-твоему, будем сидеть и ждать? Да даже эти пацаны могут взять нас тепленьких, если мы не передислоцируемся.

– Ого, ты уже как полководец начал говорить. Смотри-ка, Георгий Жуков нашелся!

– Жуков не Жуков, а уходить надо. И что теперь с этим пацаненком прикажешь делать? Кормить его надо, а нам и самим жрать нечего. А он все равно по дороге сбежит и нас же и выдаст. А на мокрое дело я больше не хочу идти. Еще один труп, и нам вышка обеспечена. Нам теперь один путь – в Уймон. Там другая милиция, пока получают донесение, это тоже не меньше трех дней. А мы опять переметнемся на эту сторону. Так и будем дурачить то наших, то российских лягавых.

– Ладно, я согласен, твой план мне нравится. Вот только со жратвой, и верно, туговато, а я голоден, как волк.

– Мы и есть волки, а волки всегда голодные. Сегодня ночью дойдем до верхней пасеки в Логоухе, там нас и накормят. Ночью можно идти по дороге без опаски, а днем только тайгой надо проламываться и прятаться. Далеко не уйдешь.

– Накормить накормят, но мы опять засветимся.

– Ну, раз боишься, будем голодать или какого куренка из стайки взаимы возьмем.

– Хы-хы! Это мне больше нравится. Только надо не куренка, а пару гусей. Ух, зажарить бы!

– Ладно, хватит болтать. Бери то ружье, что пацан хотел у нас утащить из дупла, и ходу. Собирай свою котомку, да побыстрее!

Он оглядел избушонку, освещенную восковой свечой, признавшись, что так не хочется её покидать, а потом обратился к пленнику:

– А тебя, пацан, как звать? Агафон? Вот что, Агафон, будешь нас слушаться, вырастешь настоящим бандитом. Работать не надо, будешь жить, как король. А пока подойди-ка сюда. Привяжем тебя на веревочку, чтобы не сбежал. Вижу, что ты так и норовишь стрекача дать. Зря! У нас свобода, в школу ходить не надо, подворовывай и лежи себе, покуривая трубочку. Курить любишь? Не пробовал? Так это мы быстро научим. Будешь нас слушаться, все будет хорошо, а если не будешь...

Мужик показал пальцем на горло.

– Понял? Да, а чего это вы вздумали шариться по чужим домам? Грабите честных людей, это как называется? Что? Шишки, ягоды собирать? Так их все медведь давно поел. Хе-хе, и вас, дураков, съел бы, если бы мы не погнались. Считай, что мы вас спасли. Вы еще благодарить нас должны.

– Эй, Прыщ! – громко позвал он своего товарища. – Ты чего там копаешься?

– Так надо же кое-что взять в дорогу, – отозвался тот, – вот и собираю.

– Прыщ и есть прыщ на голом месте.

– А ты Упырь, это что, лучше? – огрызнулся Прыщ. – Не трогали бы геолога, сидели бы сейчас спокойно.

– Молчи, болван. Еще благодарить будешь, если к ментам, дурак, не попадешься. Собрался? Топаем короткой дорогой, чтобы с пацанами не пересекаться, и на тракт быстрее выйдем.

Часа три они шли заброшенной скотоперегонной тропой, проламывались через гущу трав. Когда вышли на лесовозную дорогу, Прыщ, державший веревочку с Агафоном, сказал:

– Ох, и надоело мне тебя тащить, иди впереди, а я за тобой. А если вздумаешь бежать, гляди, у меня в руках ружье. Так что дурака не валяй.

И Упырь добавил:

– Скоро придем на пасеку. Ты, я вижу, мальчонка смысленый. Если поведешь себя неправильно, считай, что тебя нету. Запоминай: я твой папа, Прыщ – твой дядя Коля. Идем из Самарки в Усть-Коксу на похороны моего отца, твоего деда. Запомнил? Разговаривай жалостливо, притворись больным.

Агафону, привыкшему еженедельно ходить пешком из Подхоза в Столбоуху, идти по каменистой и пыльной дороге было вовсе не трудно. Но Упырь и Прыщ постоянно спотыкались о торчащие камни и ругались трехэтажным матом. Несмо-

тря на ночь, Агафон узнавал дорогу, по которой шли. Рядом тускло серебрились воды Хамира, река была безмятежной, и это успокоило мальчика. «Как-нибудь вывернусь» – эта мысль не покидала его.

Еще не рассвело, когда в темноте на опушке леса черным контуром нарисовались строения пасеки.

– Ну, вот и пришли, – сказал Упырь. – Давай, Прыщ, действуй!

Но едва Прыщ сделал несколько шагов с дороги, как на него с бешеным лаем набросился здоровенный волкодав.

– Чего встал, как пень, – подзуживал Упырь, – кобелишку испугался?

– Пристрелить бы надо, – предложил Прыщ. – Вот ведь дьявол!

– Я тебе пристрелю, – грозно огрызнулся его поделщик. – Всю операцию сорвешь. Сейчас появится.

И верно, заскрипела дверь, и в темноте раздался голос:

– Кто там бродит, чего надо? Отзовись!

– Да это мы, путники с больным ребенком. Помогите, добрый хозяин! – отозвался Упырь просящим голосом.

– Нормальные люди по ночам не шатаются. Идите с богом отсюда!

– Мальчику нашему плохо, только для него помощи просим!

– Ты мне голову не морочь, – снова раздалось из избы. – Много вас тут, шарамыг, шляется! Чего вам нужно?

– Нам бы чуток перекусить. Идем с самой Самарки, на похороны торопимся в Усть-Коксу.

С минуту стояла тишина, затем голос более спокойно предложил:

– Ладно, пусть ваш мальчик подойдет, а вы ни шагу. У меня двустволка картечью заряжена, имейте это в виду.

– Собаку придержи, он боится.

– Дружок, ко мне! – раздалась команда, и собачий лай смолк.

– Иди, Гоша, да помни наши слова, – подтолкнул Агафона Упырь.

– Правду они говорят? – спросил хозяин, когда Агафон подошел. – Говори, не бойся.

– Пожалей, хозяин, идем не жрамши почти неделю! – громко, почти закричав, жалобно проговорил Агафон и тут же шепотом скороговоркой добавил: – Не верьте им, они бандиты, и не пускайте – убьют. Я у них в плену.

– А ты сам как? – так же шепотом спросил хозяин и громко закричал в избу: – Марья, отрежь от каравая хлеба да сала кусок дай добрым путникам!

– За меня не беспокойтесь, – шепотом и опять скороговоркой ответил Агафон. – Я не сегодня-завтра убегу от них.

– С богом идите и на меня не сердчайте, – заорал хозяин в темноту, передавая Агафону мешок с едой. – Перекусить я вам положил, а на меня обиду не имейте и остерегайтесь. Бродят тут двое убийц, как бы вам они не попались на дороге!

– Спасибо, хозяин, за доброту, – ответил Упырь. – Век тебя не забудем! – И тихо, себе под нос, добавил: – Попадись мне на узенькой дорожке – горло перегрызу. Поджечь бы неплохо этого мерзавца, да самим в тайге укрываться... Ну-ка, Агафон, показывай, чем тебя наградили. Ага, сало, это добре. Хорошим бандитом, Агафон, будешь.

– Хы-хы! – как черт, выскочил из темноты торжествующий Прыщ. – Смотрите, чего я раздобыл. Еле допер.

В обеих руках у него было что-то большое, белое.

– Пока вы там переговоры вели, я тут оприходовал пару гусей.

– Ну и жук ты, Прыщ, – похвалил его Упырь. – И когда успел, урка?

– Как собаку убрали, я сразу по воркотне гусей к ним в стайку. Шеи двум свернул, а они даже ни гу-гу. Вот они, голубчики. Как и замышлял.

К рассвету они забрались в сторону от дороги и тропы в таежные дебри и остановились на отдых.

– Живо ощидай одного гуся, – приказал Упырь Агафону. – А ты, Прыщ, разводи огонь. Я тут сосну, и как проснусь, чтобы жаркое было готово.

Прыщ свеживал гуся, готовил вертел, а у самого была одна мысль: прикончить бы сейчас спящего Упыря, и весь золотой песок, что забрали у москвича, был бы его. Пожалуй, и домок можно было бы купить, и пожить по-человечески.

После жирного обеда сытый и довольный Упырь разглагольствовал:

– Ну вот, Агафон, можно поздравить тебя с боевым крещением. Теперь считай, что ты наш подельник. Вместе в тюрьге будем сидеть. А правда, неплохо мы этого дурака, пчеловода, объегорили! Представляю его рожу, когда он в своем хлеву обнаружит пропажу! Так что ты, Агафон, нас держись. Работать не надо, дураки пусть работают за нас. А мы свободные люди, живем, как хотим. Даже поэты воспевали свободу.

– Свобода, свобода! – передразнил его Прыщ. – Тюрьма по нам плачет.

А Агафон подумал: «Дудки, все равно вас перехитрю и убегу!»

– Ты его, дурака, Прыща, не слушай, – продолжал Упырь, – он мелкоплавающий воришка, к тому же трус.

Потом они долго продирались сквозь травяные дебри, без передыха шли и лезли по тропам и без них на какую-то известную Упырю верхотуру.

Лишь раз на короткой остановке довольный Упырь поделился с Прыщом:

– За нами погонятся в Уймон, а мы отсидимся в другом месте.

Все же Прыщ улучил минутку и, оставшись наедине с Агафоном, вкрадчиво сказал ему вполголоса:

– Знаю, что ты все равно убежишь, и я тебе помогу. Может, сегодня ночью. А ты там скажи в милиции, что не виновен я в убийстве. Он, он, варначина, всё совершил ради этого золотого песка проклятого. А то, может, повяжем его сегодня ночью, а? В милицию сдадим. А?

И, видя, что Агафон молчит, согласился:

– Нет, не одолеть нам его, бычину. А ты еще совсем мальчонка.

Тут затрещали, зашатались кусты, и Прыщ прокомментировал вполголоса:

– Идет. Обожрался гуся-то, варнак. Чтобы сдох!

Почти в темноте набрели на заброшенную охотничью избушку и остановились на ночлег. Агафон все время думал о побеге, тем более что теперь его уже не охраняли. Однако, вместе со всеми перекусив остатками гуся, он не смог пере-силить себя и повалился спать на кучу старого сена. Очень уж устал он за день от непрерывной ходьбы, да и бессонная прошлая ночь сказывалась.

Проснулся – было уже светло, и солнце било в открытую дверь избушки. «Неужели проспал?» – с ужасом вспомнил он о том, что собирался ночью бежать. Но оглянулся: где же его разбойники? Их нигде не было. «Сбежали! – понял Агафон. – Я свободен». Еще не веря в это, Агафон вышел из избушки. Постоял, прислушиваясь – все тихо, лишь дятел сосредоточенно долбил старый кедр.

Одиночество, незнакомое место, тайга Агафона не пугали. Теперь надо было определиться, куда идти. Агафон не видел карты своего края, но догадался, что идти надо вниз по ручью, по любой встреченной по пути речке. Любая из них приведет или к Бухтарме, или к Катуню. Бухтарма на западе, значит, туда и надо идти. Во всяком случае, так он выйдет к людям, а значит, не пропадет. Хотелось есть, сбежавшие уголовники не оставили ни крошки хлеба. Но и это не сильно его расстроило. «И то хлеб, что оставили в живых и даже не избили», – подумал Агафон и оглянулся. Вокруг стояли кедры с нетронутыми шишками, кое-где они росли довольно низко. Уже начинала спеть малина, кое-где можно было найти полевую клубнику. Кедровые шишки, хотя и не созрели, но были уже съедобны. Набив карманы шишками, Агафон пошел по логоу вниз, благо здесь, в высокогорье, травы не были высоки и так густы, как ниже, в пихтачах и березняках. Встреча с медведями его не пугала, да он о них и не думал. Ручей оказался «правильным», так как вел на запад, а это означало, что рано или поздно он выйдет на приток Бухтармы. Вокруг стояла седоватая тайга с обомшелыми пихтами, увешенными плетями и бородами сизых лишайников. С громким порханьем крыльев то и дело взлетали рябчики. Пестрая глухарка-копалуха с сердитым квохтаньем торопливо увела из-под ног Агафона выводок уже почти взрослых глухарят. Действительно, вскоре Агафон вышел к большой реке, и он догадался, что это не Хамир.

Еще не стемнело, но две совы кружились над поляной. Хлопая крыльями и издавая хриплые крики, они будто преследовали Агафона. Бесшумно одна из них пролетела над головой, обдав его струей воздуха. «Уф-ф! – машинально Агафон пригнулся. – Чего доброго, еще вцепится в волосы». Мальчишка вспомнил небывальщины, рассказываемые ребятами о том, что в волосы вцепляются летучие мыши. «Пришельцы с того света. Одна рожа чего стоит! – вспомнил Агафон физиономию ночного зверька, которого видел всего один раз в выгнившем дупле старого тополя. – Крохотная мордочка, похожая на пороссячью, и большие полупрозрачные уши. Чертик да и только!»

Вскоре появилась тропинка, приведшая Агафона к крохотному поселку с несколькими избушками. Встреченная женщина несказанно удивилась Агафону. Оглядев его с ног до головы, она спросила:

– Мальчик, а ты откуда взялся? Вроде бы не наш.

В свою очередь Агафон на вопрос ответил вопросом:

– А как называется эта деревня?

– Ага, значит, ты сбежал из дома и бредешь, не зная куда? – сказала женщина и добавила: – А поселок наш называется Березов Мыс.

– А, знаю, – обрадовался Агафон, – это на реке Черневой.

– Да, на Черневой, – подтвердила тетка, еще более удивившись, – так ты не ответил, откуда и куда идешь и почему один?

– Я сбежал из плена, – ответил Агафон и, понимая, что это звучит нелепо, добавил: – Меня захватили разбойники и не выпускали. А потом отпустили, вот я и иду домой.

– Что-то ты городишь, хотя вроде бы не дурак, а говоришь какие-то сказки, – сердито сказала тетка. – А ну отвечай, где ты живешь и где твои родители?

– Я живу в Подхозе, что за Столбоухой, там и родители.

– Так, это уже что-то, – сказала тетка. – А что за разбойники, про которых ты бормочешь?

– Два мужика, они скрываются от милиции и прячутся в тайге.

– А ты не врешь? – И тут же добавила: – А что ты сегодня ел?

– Орехи и малину.

– За целый день он ел орехи и малину! – саркастически заметила тетка. – Вот что значит самовольно болтаться в тайге! А что теперь должны думать о тебе родители? Небось, мать все слезы выплакала. Давай-ка, заворачивай ко мне в избу. Я тебя накормлю, а там посмотрим, что с тобой делать.

Вскоре в избе собрались едва ли не все жители деревушки. Сытый и отдохнувший Агафон отвечал на вопросы, а народ живо обсуждал происшедшее с ним. Вспомнили все случаи разбоя в тайге, возмущались бездействию властей и милиции.

Агафону же сказали:

– Ты ночь здесь переспи, а утром придет лесовоз, загрузится и тебя отвезет в Столбоуху. Ты там зайдешь в сельсовет и обскажешь, как все было. Надо этих варнаков изловить, а так нам и в тайгу страшно ходить.

На следующий день накормленный на дорогу Агафон, сидя в замасленной кабине КраЗа, снова и снова рассказывал о своем приключении шоферу дядя Макару. Пропахший соляркой дядька сердито ругал тунеядцев, возмущаясь тем, что народ распустился, работать не хочет.

– И как, говоришь, гусей-то они стянули? Неужто за пару минут сориентировались и башки свернули? А говорят, гуси гогочут, как не услышали хозяева-то?

– Так там собака гавкала, и все это в такой спешке.

– Профессионалы они, значит, эти Упыри и Прыщи. Но уж теперь-то их изловят! В Столбоухе, остановив машину, дядя Макар сказал:

– Мне край некогда, а ты беги в сельсовет и там все как следует расскажи. Наш председатель Иван Иванович – мужик толковый, он даст ход делу. Помяни мое слово, этих упырей изловят! Ну, давай, беги, да больше не попадайся бандюгам!

Агафон шел и думал о своих друзьях. Вспоминал о доме, и было ему не радостно возвращение: «Где сейчас ребята, и что думают обо мне? Конечно, рассказали моим родителям, и вот уж мамка теперь убивается!» В не очень хорошем расположении духа открыл он дверь сельсовета и остановился пораженный: там, стоя у окна, о чем-то переговаривались его друзья.

Все кинулись разглядывать, расспрашивать Агафона, а Роман сказал:

– Живой, здоровый? Идем скорее к Иван Ивановичу, а то он уже звонит по телефону, организовывает поиски тебя. Народ собирается поднимать.

– Что там еще у вас, ребята? – удивился председатель, увидев входящую толпу мальчишек.

– Так вот он, Иван Иванович, пропавший, – сказал Роман, подталкивая Агафона, – только что вернулся, привезли на лесовозе.

– Ах, вон он, каков герой, – удивился председатель. – Давай рассказывай. Целый, живой, не били?

И снова, в который раз Агафон повторил свою историю, а Иван Иванович напоследок сказал:

– Вот что, ребята, бегите домой, родители вас уж заждались. А мы тут со всеми этими делами разберемся сами. В Зырянковск я уже позвонил, и, думаю, в область оттуда тоже сообщат. Так что всё будет в порядке.

Выйдя на улицу, друзья рассказали друг другу все свои приключения. А главное, как получилось, что все собрались в одном месте и в одно время.

– Первую ночь мы караулили тебя у избушки, – сказал Роман, – потом весь день шли до пасеки, где вы воровали гусей.

– Я не воровал! – возмутился Агафон.

– Может, ты скажешь, что и не ел его?

– Ну, ел, – признался Агафон, – что ж, я умирать должен был?

– Ладно, – примирительно сказал Роман, – забудем прошлое. Главное, что мы снова вместе и все живы-здоровы.

Прошло не больше десяти дней, и в местной газете появилось сообщение о поимке бригадой из областного центра бандитов-рецидивистов, орудовавших в таежной части Зыряновского района.

– Поймали в долине Черневой, – принес известие из Столбоухи Петр Иванович. – Теперь можно жить спокойно.

– Пока снова кто-нибудь не сбежит, – добавила Марфа. – Или какой свой такой же не появится. Сколько их уже было, и никак не переводятся. И ведь вырастают же эти уроды в наших семьях, здесь, в наших краях.

Арчба

Та тетрадь, что Егорка вытащил из тайника, не давала покоя Роману. Было ясно, что она могла ответить на многие вопросы, касающиеся и самого Максима, и его геологических изысканий. Поэтому, едва лишь улеглись волнения, связанные со столь бурными событиями последних дней, Роман со Степаном, уединившись, принялись изучать записи.

Это был черновой дневник, наполовину заполненный расчетами денег, удовольствия, записями о погоде и событиях во время блужданий, путешествий и приключений Максима в последние десять лет. Что-то подсказывало им о важности сведений, содержащихся в этой толстой потертой тетради. Конечно, в первую очередь играл роль сам образ Максима, уверенного в себе геолога и эрудита в вопросах местной истории. Что-то роднило его со Станиславом. Видимо, увлеченность, преданность делу, романтика, эмоциональность. Тут присутствовали геологические термины и химические формулы, названия геологических минералов и руд. Мелькали названия ущелий: Громотушки, Большой и Малой Логоухи, Тегерека и урочищ, часть из которых не знали даже Роман со Степаном, выросшие в этих краях. Прошедшие в школе азы химии, названия химических элементов: меди – Cu, серебра – Ag, золота – Au, свинца – Pb, цинка – Zn они поняли сразу. Но вот как выглядят рудные минералы, они не знали, горько сожалея, что не ознакомились весной на РОРе, будучи в гостях у Бориса Васильевича и Станислава. Кое-где стояли знаки восклицания, что говорило об эмоциях и чувствах автора. Чем дальше они листали тетрадь, тем большее чувствовалось напряжение самого её автора, приближающегося к открытию чего-то важного. Это было похоже на детскую игру «тепло – холодно», и по количеству повторяющихся названий можно было судить о том, где автор вел наблюдения, где разочаровывался в своих ожиданиях или, наоборот, обнадеживался.

– Все сводится к верховьям Хамира, – наконец заключил Роман. – Вот, гляди, Степа, сколько раз тут стоит знак восклицания и повторяется слово «чудь». Значит, там он и обнаружил чудскую выработку, а её на пустом месте закладывать не будут. И слова «вернуться сюда», повторяющиеся несколько раз. Смотри, какая

запись: «300 шагов вверх вдоль реки от утеса Бастион». Или еще вот: «Древний отвал – проверить обязательно», «Чудь белоглазая – откуда ты взялась?» Эх, не успел Максим довести дело до конца!

– Значит, нам надо доводить его! – с жаром воскликнул Степан. – В общем, свистать всех наверх! Объявлять общий сбор и айда, пока не кончились каникулы.

– Для этого надо иметь хотя бы элементарные знания по геологии, – резонно заметил Роман. – Живем в Рудном Алтае, и стыдно не иметь представление о руде, как она выглядит, как из нее получают металлы.

– Да, такие сведения можно было получить на РОРе и от Станислава, и от Володи Розенберга, что приезжает к нам охотиться на медведей.

– Я придумал! – вдруг вспомнил Роман. – Мы забываем, что в Столбоухе стоит геологическая партия, и даже в нашем Подхозе есть её отделение. Наверняка там можно чему-то поучиться.

– А-а, там, где начальник Арчба? Так он же больше медвежатник.

– Это не имеет значения. Человек может любить животных и быть хорошим специалистом совсем в другой профессии. Вот наш отец его уважает, всегда называет по имени-отчеству.

– Знаю, Яков Иванович. А настоящее его имя такое, что и не выговоришь: Языгет Ибрагимович.

– Это даже интереснее, он ведь абхазец, а кавказцы все люди самобытные и энергичные.

Коренастый, чернявый и очень живой, Арчба производил впечатление деятельного и немного суетливого человека с типично южным темпераментом.

– А-а, Дементьевы? – узнал он сыновей Петра Ивановича. – Молодцы, орлы! Здравствуй, как говорится, племя младое, незнакомое! Как там Петр Иванович поживает?

– Спасибо, хорошо, Яков Иванович. А мы до вас.

– Медведей смотреть? Ко мне все ходят их смотреть. Видели моих красавцев?

– Смотрели, Яков Иванович.

– Мало смотрели! Какие медведи! Лев – джигит, а медведь – еще больше джигит. Это неправда, что лев – царь зверей.

– А кто же тогда? – робко спросил Степа.

– Как, ты не знаешь?! – грозно и возмущенно удивился Арчба. – Живешь на Алтае, в тайге, и не знаешь! Царь зверей вовсе не африканский лев, а русский медведь. Знаешь, что будет, если встретятся лев и медведь? Пока лев будет трести своим, как это, воротником... гривой, медведь его кэ-эк даст лапой, тот и с копытков долой. Такие вот они богатыри, медведи.

– Мы бы хотели, чтобы вы нам рассказали про руду, что ищете.

– Руду? – удивился Арчба, но затем опомнился и заговорил по-другому: – Я как будто знал, что вы ко мне придете. Проходите в дом, все покажу и расскажу.

Все прошли в помещение барачного типа. В комнате со столами, заваленными бумагами, главными предметами были ящики с керном – образцами породы из пробуренных скважин.

– Нет, это все не то, – махнул рукой в сторону керна Арчба. – У меня для вас есть другое, гораздо лучше, чем эта пустая порода. Арчба знает, что и как показать. Вот, глядите.

Он выдвинул ящик из своего стола и достал аккуратную деревянную коробочку с маленькими отделениями, в каждом из которых лежали небольшие камешки разного цвета, но в основном все темные, бурые, черные.

– Это все ваша руда, та, что добывается на зыряновских рудниках, – пояснил Яков Иванович. – Сам подбирал самые характерные образцы рудных минералов. Даже в управлении комбината в геологическом отделе не догадались так удобно придумать. Как говорится, дешево и сердито. Одна коробочка, а 24 образца. Вот они, голубчики: галениты, сфалериты, куприты, халькозины, халькопириты. Это все чистая руда – сульфиды, а есть еще они же, но окисленные. Мои буровики, простые работяги учатся по ним рудничной геологии. Тут и на свинец, и на цинк, и на медь, и на все остальное рудные образцы. А всё она, эта чертова сера везде, в каждом минерале затесалась. Все ваши металлы в соединении с серой. Из-за этой серы рудные минералы называются сульфидами. Это все чистая руда, а есть еще их окислы, что ближе к поверхности. Глядите, ай, красота: блестят, сверкают, как бриллианты. Вот вам брошантит, малахит, хризаколла – и это все медь. Блестит, свистит и сверкает. Найдете такую руду, героями станете. Вот видите, это всё ваша зыряновская руда.

Арчба показал на угол комнаты, где виднелась кучка с камнями.

– Берите по образцу, я своим рабочим всем раздаю, вдруг да найдут, чем черт не шутит, как говорится. И вы можете найти. Здесь, в ваших краях, руда везде есть. Где больше, где меньше. Вот уже двести лет ищут и находят все новые и новые месторождения. Найдете – дадут свидетельство открывателя месторождения, медаль дадут, премию дадут. Джигитом будешь, все завидовать вам станут, девушки дружить будут.

– А ваша партия открыла новые месторождения? – осторожно поинтересовался Роман. – Вы же не первый год здесь бурите скважины.

– Наша партия? Как тебе сказать. Может, и открыли молочко от бешеной коровки, да не каждому это надо знать. Вот президент Рузвельт подарил нашему вождю тысячу килограммов дорогого вещества, а товарищ Сталин сказал: этого мало, надо искать у себя. Раз надо, вот и ищем начинку для пирога.

– Уран ищут, – вполголоса сказал Роман Степе, когда они вышли. – Для атомной бомбы. Секретное дело. Потому и развернулись так широко, денег не жалеют.

– Он, конечно, молодец, этот Арчба. Дело своё знает, а вот зачем ему в клетке медведи?

– Охотиться он любит, – ответил Роман, – еще отец об этом говорил. У каждого свои слабости, как говорят, тараканы. Теперь это называется хобби. А вот куда потом он деваает этих медведей – непонятно. Съедает, что ли? Наша Надя называет его жестоким. Может, она и права.

– А что это за подарок американского президента, о котором говорил Арчба?

– Я слышал об этом от отца, самому мне в то время было всего четыре года, – отвечал Роман. – А дело было так. Американский президент Рузвельт благоволил Сталину. Больше того, он преклонялся перед ним, и многие из достижений Советского Союза стали возможны благодаря его поддержке. В 1944 году США активно вели работы по созданию атомной бомбы, не догадываясь, что и в СССР ученые тоже работают в этой области. Мало того, Рузвельт даже хотел поделиться достигнутыми результатами. В то время США активно помогали Советскому Союзу вооружением и материалами, и в том числе выделили тонну урана, не подо-

зревая, на какие цели он пойдет. Этот уран и сыграл решающую роль в создании советской атомной бомбы.

– Выходит, Сталин объегорил Америку? Бомбу-то сделали.

– Не только Америку, всю Европу. Но мы с тобой совсем отвлеклись. Начали про руду, а говорим про политику.

– Рома, а почему ты не показал Арчбе дневник? Для этого вроде как шли?

– Почему? Сам не знаю. Что-то не понравилось мне в нем. Наверное, его развязный тон. «Джигит», «девушки дружить будут». Не поймет он нас, и Максима бы не понял. Сами будем искать.

– А где? Времени у нас немного, через месяц будет сентябрь.

– Вариантов не много, и это хорошо. Две Логоухи да верховья Хамира. Тегерек отпадает.

– Максим все на Чемчедай напирал. Вскользь упомянул про найденные им следы чудских работ.

– Да, он где-то нашел чудские отвалы. По ним и выработки надо искать. Пойдем на Хамир. Мед откачали, на пасеке передышка, вот через неделю и двинем.

Гнев хана Алтая

Шумит и гремит Хаир-Кумин неумолчно и летом, и весной, и осенью, замирая лишь подо льдом зимой, с декабря до апреля. Светлы и прозрачны почти всегда его струи, мутнея лишь во время сильных дождей, когда разливается он и мечется, меняя русло и отвоевывая у суши кусок за куском. Тогда, в половодье, бесчинствуя, он смывает острова, рушит деревья, нависшие над водой, несет коряги, сучья и целые стволы, наворачивая горы лесного хлама по отмелям и перекатам, сметает со своего пути мосты и дороги. Свирепо бьется, упираясь на поворотах в береговые скалы-приторы, и широко разливается, вырвавшись на открытый простор. На то он и горячий, даже буйный молодец, джигит, чтобы показывать свою удаль, а бывает, и свирепость. И всюду его теснят лесные дебри, нигде не оставляя луговых прогалин по берегам.

Близ устья Тегерека приютилась крохотная деревушка Масляха. Всего-то не больше двадцати избушек по обеим сторонам дороги, но есть лавка, где продают вкусный хлеб домашней выпечки и слипшиеся карамельки, получившие у детишек название «подушечки». Улица вымершая, ни души, и только одна кощенка со взлохмаченной шерстью перебежала дорогу.

– Кыш! – словно на куренка, прицкнул на нее Агафон. – Благо, что не черная. А бывает, что вот так здесь по дороге прогуливаются медведи.

– Ты откуда знаешь, видел, что ли? – усомнился Егор.

– Так он же тут недавно с двумя упырями прогуливался, – съязвил Степа.

– Сам ты упырь, – добродушно огрызнулся Агафон. – Не видел, а батька мой рассказывал про медведя. Народ кино смотрел вечером. Вышли из избы, а на встречу косолапый.

– А чего ж ему не бродить, их тут в тайге навалом.

У Романа своя забота:

– Запасемся хлебом на пару дней, – решил он. – Давай, Степа, действуй.

Но только Степа вышел с тремя буханками хлеба, как откуда-то выскочила старушонка страшноватого вида. Одетая в рубище, с космами развевающихся

седых волос, она набросилась на мальчишек с нечленораздельными криками, в которых нельзя было разобрать ни слова. Вцепившись в рубашку Романа, она пыталась отобрать у него кирку, перекинутую за спину.

– Бабушка, что ты, мы тебе ничего плохого не сделали! – опешил Роман, а остальные в испуге смотрели на происходящее.

Безумная старуха, не реагируя ни на что, то ли плакала, то ли визжала, и её хриплый крик был похож на стон.

Теперь уже можно было разобрать некоторые слова:

– Воры, воры! Золото! Хан Алтай разгневется, накажет вас! – кричала она.

– Она сумасшедшая, бежим! – сообразил Агафон.

Но не успела ватага кладоискателей разбежаться, как из лавки выскочила продавец:

– Марьюшка, что с тобой? – почти ласково обратилась она к старухе. – Отпусти мальчигов, они ничего плохого не сделают.

И к ребятам:

– Вы на нее не обижайтесь, больной человек. Пошумит и успокоится. Она у нас здесь заместо охранника. Говорит: «Буду стеречь сокровища хана Алтая». Что с нее возьмешь, божий человек.

– А что это за хан Алтай? – притворно удивился Роман.

– А кто его знает, вроде как хозяин Алтайских гор. Да сказки все это. Вы идите своей дорогой, не гневите старуху. А для чего это вы кирку прихватили? Уж не золото ли идете мыть?

– За орехами идем, – соврал Степа, – за кедровыми шишками.

– Ну и с богом! – явно продащица не поверила им, оставшись глядеть, как они, не торопясь, удалялись по дороге.

Некоторое время шли молча. Сцена со старухой оставила у мальчишек неприятное чувство, словно они сделали что-то нехорошее.

– Шаманка она, – словно пытаюсь оправдаться, сказал Егор. – Как она почуяла, что мы замышляем делать?

У Степы свое мнение:

– Говорил же я, не бери, Рома, кирку. Она и выдала нас.

– А чего вы все так забеспокоились? – в свою очередь удивился Роман. – Мы ничего плохого не делаем, идем себе своей дорогой.

Сам же осмысливал одну думу: «Опять этот Алтай-хан!»

– Однако втихаря ведь идем, – это опять Степа. – Будто тайком.

– И это ничего не меняет. Тайком, чтобы лишних разговоров не было, чтобы не мешали. А пусть, что хотят, то и думают.

– А я вот что думаю, – заявил Агафон, – раз шаманка так забеспокоилась, значит, мы на верном пути.

Степа его поддержал:

– Похоже, алтайцы что-то знают о подземных сокровищах. Тут какая-то тайна.

– Тайнами окутан весь наш Алтай, – с некоторым пафосом подтвердил Рома. – Хотя всё это на уровне легенд и сказаний. В общем, народный фольклор.

– Легенды-то легенды, но они не лишены смысла. На пустом месте ничего не бывает.

Так, не торопясь, они дошли до места, где Хамир, делая крутой поворот, вырывается из узкой долины. Своего рода тупик со стоящей перед путниками

стенной Холзуна, здесь еще в виде зеленого и вовсе не такого уж крутого склона, заросшего лесом. Хамир, мощный в половодье или в осеннее ненастье, сейчас был тих и спокоен. Младший брат Бухтармы, а скорее ее сын, Хамир в верхнем течении был настоящей горной рекой, с бурунами волн, с серебристо-голубыми струями чистой воды, с искорками и разноцветными звездочками, вспыхивающими от солнечных бликов. «Нарзан, чистейший нарзан, пей, не хочу, – думал Роман, глядя на реку. – Своя, родная река, такая же дорогая мне, как Большая».

Холоден и мрачен каньон верхний Хамира в любое время года, даже летом, когда солнце заглядывает в узкую щель не больше чем на полтора часа. Но перед входом в каньон долина не столь сурова, и здесь стоит лес из пихты, березы и кедра. Именно сюда направлялась ватага большевических кладоискателей. Они сами приняли решение, где искать клад, потерянный Максимом. То же советовал Станислав, напирая на соседство железорудного месторождения на горе Чемчедай и на открытие недавно геологоразведчиками полиметаллических залежей в верховьях Талового Тургусуна, что был по соседству. С Арчбой мальчишки не поделились и даже не рассказывали о своих планах родителям. Чего раньше времени болтать, а таинственность придавала интерес, романтику и значимость.

Тропа привела их к броду, через который они переходили не раз. Переправившись, они оказались в той части поймы Хамира, которую заранее назвали Золотой долиной. Оставив на месте свой багаж, всю оставшуюся часть дня они рыскали, обшаривая светлеющие среди дикого разнотравья каменные осыпи. Где-то здесь, по их предположениям, Максим обнаружил древние рудные отвалы.

В преддверии осени молчаливый лес оглашали стонущими криками молодые коршуны, кружащиеся меж макушками пихт, стучала желна, круша засохшие пихты. День стоял жаркий, даже душный. Далеко на востоке, за отрогами Холзуна громоздились черные тучи и даже погромыхивал гром. Перекликаясь, мальчишки объедались малиной и к вечеру набрали на осыпь, по многим признакам похожую на рудный отвал.

– Глядите, рыжие камни с явной охрой, – рассуждал Роман, пытаясь найти подтверждение у своих друзей. – Похоже, та самая шляпа, то ли железная, то ли медная, о которой рассказывал Арчба. А вот и камень с прозеленью, явной родственницей медному купоросу.

– Да, но где же подземный город, о котором говорил Максим? Есть отвал, но нет чудских выработок, они как в землю провалились. Откуда-то ведь добывались эти рудные камни?

Примыкая к отвалу, рядом был крутой склон, заросший высокой травой. Его обшарили самым тщательным образом – никаких следов ни разработок, ни закопущек.

Лагерь разбили подальше от Хамира на высокой речной террасе под большим кедром. Теперь у них вместо самодельных палаток где-то раздобытый Петром Ивановичем большой холщовый тент. Неплохая защита от непогоды, но оставался открытым широкий вход.

Где-то громыхала гроза, Роману не спалось. Перед глазами стояла то разгневанная старуха, то шаман из детских сновидений. Наконец он заснул, но сон его был недолог: страшный грохот обрушился на их лагерь. Казалось, само небо рухнуло на землю, вслед за чем сверху полились потоки воды, хлынув и в открытый вход их импровизированной палатки. Роман вскочил, наблюдая странное и пугающее видение: стройными рядами со стороны гор, с верхний

Хамира двигалась армада каменных изваяний. Тех самых балбалов, что они видели на вершине Холзуна. Серые воины из гранита сомкнутыми рядами молча шагали в их сторону, и была в этой тяжелой поступи неумолимая решимость и устрашающая суровость. От таких каменных людей не жди пощады, у них нет ни чувств, ни жалости, никаких сомнений в их жестоких помыслах. «Как же они проникли через непроходимый каньон?» – мелькнула у Романа мысль, а стоявший рядом Степан ответил:

– У каменных людей нет никаких каменных преград.

И тут же яркая вспышка осветила ущелье, ослепив их, но оба успели заметить в огненном всполохе шамана с искаженным безобразной гримасой лицом. В дикой пляске шаман ударил в бубен, он загрохотал, оглушая так, что разговаривать стало невозможно. Захлестывая в палатку водяные потоки, гроза пыталась потопить пришельцев. «Хан Алтай!» – где и когда Роман впервые слышал эти звонкие и почему-то пугающие слова? В сознании его смутно всплыла картина раннего детства. Ему три или четыре года. Вечер. На берегу реки стоят калмыцкие чумы, и из их остроконечных макушек вьются струйки дыма. Вокруг горящих костров сидят люди, одетые в меховые одежды, а в середине круга пляшет страшный колдун. Подпрыгивая, он бьет в бубен, лицо его обезображено дьявольской ужимкой, клочки звериных шкур развеваются в такт движениям бесноватого старика. Испуганного Рому отец берет на руки и торопится поскорее уйти от пугающей сцены. «Да, это он, это тот же страшный колдун!» – пришло осознание к Роману.

В злобном экстазе, выкрикивая непонятные слова и подпрыгивая, кружится шаман, ударяя в свой бубен, и с каждым его ударом хлещет новый заряд града и дождя.словно гигантская коса взмахами бьет по тайге, сечет листья лопухов, не хуже шрапнели стучит по галечнику и голой земле. И пламя полыхает вспышками, хотя и не в такт с ливневыми потоками, а грохот шаманского бубна перешел в ровный, но мощный и грозный рев, заглушающий все посторонние звуки.

– Рома, что-то уж больно страшно грохочет... Не Хамир ли это так рассвирепел? Что там, на реке делается? – забеспокоился Егор.

– Что ты хочешь, хан Алтай разбушевался.

– Вот оно, старца проклятье, – продекламировал Степа. – У меня уже все одеяло мокрое.

– Терпи, казак, атаманом будешь. А вы как там, Егор с Агафоном?

– Мы ничего, и не такое видали, – расхрабрился Агафон.

– Герои! А я, признаться, что-то не припомню такой страшной грозы.

Медленно гроза удалялась, стихал и грохот реки.

Ядро всему голова

К рассвету гроза ушла грохотать куда-то к востоку. Лес стоял притихший, присмиривший, словно побитый зверь. Ни стука дятла, ни крика карагуша, ни пробежки бурундука. И Хамир поумерил свой рёв и теперь рокотал размеренно и даже мирно.

Рудознатцы вышли на берег и не узнали реку. Хамир бежал по безобразному рву с навороченными по сторонам валами из камней, перемешанными с землей и стволами вывороченных деревьев.

– Ого, да тут прошло наводнение, – заметил Степа, разглядывая каменные завалы вдоль русла реки. – То-то ночью грохотало.

– Не наводнение, а настоящий сель, – поправил его Роман. – Так разворотило наш Хамир, будто совсем другая река. Вот тебе и Хан Алтай.

– А что это такое – сель? – спросил Егорка.

– А это наводнение в горах, когда вода тащит с собой камни и все, что попадется на её пути, – пояснил Рома. – Не дай бог попасть под сель. Он, бывает несется со скоростью и силой тяжелогруженного поезда. Настоящая молотилка, грязекаменный поток. Какая была река, а теперь что?

– Ну да, похоронит заживо, даже страшно себе это представить. Тут не только камни, но и грязь, все перемешалось. Странно все это, – не унимался Егор, – то не было никакого наводнения, а тут вдруг так поперло. И надо же, как раз перед тем, как нам прийти.

– Мистика, – подтвердил Агафон. – А вы верите в мистику?

Степа усмехнулся:

– Детский лепет и бабушкины сказки.

– А я верю, – признался Агафон. – От судьбы не уйдешь, что предназначено, то и исполнится. И сыч тот чертов накаркал, Максим погиб.

– Максима не трогай, – коротко отрезал Степа.

Сам Хамир, хотя на этот раз он и был более полноводен, чем обычно, они все же перешли. Тропа здесь терялась, но сель не выплеснулся на высокий правый берег, разместившись в каменном ложе реки, поэтому путь не отличался от прежнего, хорошо им знакомого. На обезображенную реку не хотелось смотреть, но волей-неволей делать это приходилось.

– Ничего, ребята, пройдет лет пять-десять, и река восстановится в прежнем виде, – пытался успокоить не только товарищей, но и самого себя Роман. – Стихия природы, всё это естественное явление. Тем более горы, здесь всё проявляется резче и грубее.

А горы и лес по сторонам стояли прежние. Крутые склоны, поросшие густым пихтачом вперемежку с березами, ступенчатые скалы, куполами вздымающиеся к небу. Кудрявые кедры свешивались над самой рекой, и даже старые и могучие тополя, казалось, не были затронуты каменным наводнением.

Всех интересовал вопрос, что с водопадами, как их преодолел этот сель, прыгая с уступа на уступ. Но до водопадов они не дошли. Сразу за рудным отвалом на склоне зияла свежая проплешина обнаженной земли.

– Во как! – присвистнул Роман. – Как корова языком слизнула! Это же оползень, та же оплывина, только земляная.

Подошли ближе и тут увидели, что в реку обрушился целый кусок склона. Стало ясно, что поднявшаяся вода подмыла берег, и он обвалился в Хамир, увлекая сверху пласты земли. Свежая рана горы казалась живой; с откоса еще сыпались камешки и мелкая дресва, каменные плиты были мокры от струек стекающей воды.

– Смотрите, а выше по реке никакого завала и нет...

Это заметил не только Егор, но и все остальные.

– Значит, из-за этого обвала и образовался сель. Вода размывала и уносила все, что обрушилось в Хамир. А могло бы и озеро образоваться.

– Ты, Егор, молоток, – похвалил Роман, – правильно мыслишь. А я вот думаю, что здесь на склоне когда-то уже был оползень. Лет тысячу назад ползла земля и

остановилась на полдороге. Лежал, дремал этот древний оползень, зарос травами и деревьями, и ничего о нем не напоминало. А тут земля размокла, вода в реке поднялась, подмыла, склон и рухнул. И понеслась вся эта масса по реке.

– Тебе, пожалуй, можно присудить звание главного геолога, – похвалил брата Степа. – А вон там, гляньте, какая-то дыра чернеет.

– Камень, наверное, вывалился. Такое часто бывает. Вроде пещера, а там всего-навсего небольшая ниша.

Но смотреть так смотреть. Нечасто увидишь свежее обнажение земных недр. Подошли ближе, и стало ясно, что здесь основательная дыра в горе.

– Прямо-таки будто человеком вырублена, – заметил Егор. – Больно правильной формы дыра.

– Не дыра, а пещера, – поправил Степан. – А вот с чего бы это долбить человеку скалу, да еще так высоко, что не подберешься?

– А это мы сейчас выясним, в чем тут дело. Надо подставить лесину, чтобы подобраться. А ну, кто быстрее! – скомандовал Роман.

Подгонять не требовалось. Сухую елку подтащили к обрыву, и легкий и юркий Агафон тут же вскарабкался ко входу в странный грот.

– Ого, ребята, да тут настоящая выработка! – перекрывая рев реки, закричал он возбужденно. – Идет куда-то вглубь.

Черный зев манил, но и пугал своей неизвестностью и мраком. Оттуда тянуло промозглым холодом и сыростью могильного подземелья. Капли воды висели на сводах выработки, горняками называемой кровлей.

– Так давай, попробуй в нее залезть! – в нетерпении торопил Егорка. – Чего ты там копаешься?

– Дерзайте, граф, вас ждут великие открытия! – с искренним пафосом и даже восторгом воскликнул Роман. – Ты будешь первым, как Колумб, открывший Америку!

– Только не набей себе шишку на лбу, древние-то рудокопы, как видно, были мелковаты, – добавил Егор.

Он позволил себе отпустить шуточку, возможно, немного завидуя другу. Ни он, и никто из ребят уже почти не сомневался, что они нашли то, о чем им говорил и предсказывал Максим.

Пригнувшись, Гоша тут же нырнул в дыру, и какое-то время его не было видно. Наконец он появился еще более возбужденный.

– Мужики, это настоящий тоннель, сделанный человеком. Я не стал пробираться, ничего не видно. Темно, как в животе у арапа.

– Ну и что там, сыро? Небось, вода? – поинтересовался Роман

– Нет, почти сухо, хотя сыростью пахнет, – доложил Агафон. – Нужен какой-нибудь свет. Свечей-то у нас нет.

– Вот это да! – Егор чуть не плясал от радости. – Дело пахнет керосином. Что-нибудь да найдем в этой пещёре! Раз копали, значит, там что-то есть. Золотишко, а может, еще что?

– Не пещёра, а пещера, дурья голова, – оборвал его Роман. – Ты вот что, Егор. Живо бери топор, надо надрать березовой бересты. Да покрупнее дери лыко. Старых берез тут навалом. Зажжем, вот и будет нам свет от факела.

– Верно! – обрадовался Егорка. – Береста дюже хорошо горит. И ветром её не погасишь.

– Еще бы! Я думаю, и древние люди освещались факелами из березовой бересты, – подумав, отвечал Роман. – Троглодиты от холода прятались в пещерах. Только благодаря им и выжили в ледниковый период

Сказано – сделано. С зажженным факелом едва ли не на корточках все протиснулись в штольню. Было очень тесно, каменные своды давили, нависая, готовые рухнуть.

– Ого, выработка раздваивается, и коридоры уходят в разные стороны, – заметил Рома, шедший первым. – Да не давите на меня, тут и так тесно! И дышать тяжело, воздух плохой, вентиляции же нет.

– Подземный город! – вспомнил Егорка. – Это же о нем говорил Максим!

– Да, Максим это предвидел, – согласились все. – Бедный Максим!

Все были радостно возбуждены, но Роман остановил всех.

– Не будем терять голову. Здесь можно угореть, очень дымно от факела. Выходим назад. Подбирайте на полу камни, на свету посмотрим, что тут есть.

– Ого-го! – вдруг закричал Егорка. – Мне попался тяжеленный, такой, что в руке не удержишь. Может, золото? Ну-ка, Рома, посвети.

Как ни было тесно, но все умудрились столпиться вокруг Егоркиной находки.

– А-а, все ясно, – возбужденно заговорил Роман. – Это не золото, но, возможно, твоя находка будет дороже и лучше золота. Это же почти чистый свинец, называется галенитом. Видите, как блестит? Это кристаллы соединения свинца и серы. Сульфид, лучшая руда. Если её тут много, то это богатейшее месторождение.

– Вот это да! Головка ядра! Того самого, о котором говорил Максим.

Егор был взбудоражен больше всех, хотя радостное волнение охватило и Романа, и Степу, и Гоша тоже не отставал.

– Подземное царство хозяйки Медной горы. Знаете, что я придумал? Гениальная идея, – без умолку тараторил Егорка. – Будущий рудник надо назвать именем Максима. Как Зыряновский, этот будет Максимовский.

– Да погоди ты, не балаболъ, – одернул его Рома, – делишь шкуру неубитого медведя. Вертишься под ногами, идти невозможно! Максимовский! А мы даже не знаем его фамилию.

– Фамилию узнаем у следователей, они наверняка установили. Видимо, и документы были. Будет хороший памятник Максиму.

– Памятник, памятник... Вот заладил, человека ведь нет! Думаешь, так тебя и послушают. Власти сами назовут, как им понравится.

– Братцы! – вспомнил вдруг Гоша. – А ведь это хан Алтай нам свои богатства открыл! Что это он так расщедрился? Прятал-прятал, а тут на тебе: всё на ладошке представил.

Егор был явно перевозбужден:

– Злобствовал, да перестарался, маху дал. Вот и думай теперь: злобный старикашка или наоборот, вроде хозяйки Медной горы, бывает и гостеприимным.

Вышли наружу, рассмотрели драгоценную находку, и Егор и Степа снова стали рваться в штольню. «Надо разобраться, сколько там этого галенита».

– Нет, сейчас туда больше ни шагу! – твердо сказал Роман. – Сколько было случаев гибели людей от угарного газа. И потом, там может оказаться и другой вредный газ. Выработке-то сколько лет! Найдем хороший фонарь, придем через неделю, выработки проветрятся, и тогда пожалуйста, ходи по ним сколько хочешь. А пока вот что: молчок о нашей находке. Никому ни слова, ничего не говорите.

Да, вот еще не забыть: надо прихватить компас. Сразу будем делать план, чтобы не заблудиться. Судя по всему, выработок там много.

– У нас дома есть шахтерская карбидка, – вдруг заявил Егор, – мы с ней каждый год ездим лучить рыбу.

– У Арчбы можно попросить шахтерский фонарь, – вспомнил Степа. – Это понадежней будет, чем восковая свеча, хотя и их прихватить можно.

Обвал для кладоискателей оказался равноценным волшебным словам: «Сезам, откройся!» Всем было понятно, что открывшийся подземный коридор таит в себе массу приключений и находок, главный же вопрос – не то ли здесь месторождение, о котором говорил Максим. Всю следующую неделю у ребят, кто бы что ни делал, чем бы ни занимался, мысли вертелись вокруг необычного их открытия.

Дома ходили с заговорщицким видом, многозначительно обмениваясь друг с другом немymi взглядами. Помогали по хозяйству, а сами втихаря готовились к новому походу. С учетом того, что ходили лесовозы, можно было обернуться за два-три дня.

И вот они снова на заветном месте. На этот раз есть все: карбидка, аккумуляторный шахтерский фонарь и даже рулетка с бечевкой, чтобы не заблудиться в лабиринтах и найти обратный выход. Не забыли взять и кое-что из теплой одежды, и даже молоток, хотя и вовсе не геологический.

– У нас два светильника, делимся на две пары и идем гуськом один за другим, – командовал Рома. – Степа, мы с тобой делаем зарисовку и съемку с компасом, все остальные осматривают стенки этой пещеры Али Бабы.

Если в прошлый раз они готовы были ринуться в глубину земных недр, особенно не задумываясь, что это за подземный коридор, то теперь Роман вступал в выработку почти с благоговейностью. Еще бы, ведь, возможно, нога человека не ступала здесь более двадцати веков! Что готовит эта выработка для искателей приключений, сокровищ и кладов? Наверное, так же думал и Степа, чувствуя себя то ли рудознатцем, то ли ученым, впервые попавшим в гробницу египетского фараона Тутанхамона.

Нависающие каменные своды были так черны, что поглощали свет фонарей, светящих здесь тускло и бледно. Даже звука собственных шагов не было слышно, все глушил мрак подземелья. Кое-где кровля нависала так низко, что приходилось сгибаться, чтобы не стукнуться головой. Со всей предосторожностью ребята продвигались вперед, обходя завалы и груды камней, свалившихся с кровли.

– Тут все блестит и искрится! – удивлялся Агафон.

И тут же раздавалось не менее возбужденное восклицание Егорки:

– С потолка свисают какие-то сосули! Смотрите, лбы себе не разбейте!

– Это сталактиты, а внизу сталагмиты. Накопились за века!

И Рома, а с ним и Степа шарахались в сторону.

– Свинцовый блеск, – определял Рома, а затем и Егор. – Подождите! – вдруг воскликнул он, остановившись у выпирающей вбок стенки выработки.

Достав нож, он поскоблил каменный выступ и, всмотревшись, объявил друзьям:

– Тут и галенит, и сфалерит. Чистые металлы, свинец и цинк, но вряд ли они были нужны древним рудокопам. Они ведь добывали нужную им медь, чтобы сплавлять в более крепкую бронзу.

– Ну, ты, однако, поднаторел, – удивлялся Степан. – Настоящим бергалом стал.

– Дело не такое уж и хитрое, – оправдывался его брат, – особенно когда есть интерес. Сколько у нас уже ходок?

– Четыре с хвостиком.

– Значит, больше 80 метров, и всё сульфиды. Похоже, здесь сплошные колчеданы. Но я вижу, что Егор с Рыжиком уже у забоя.

– Рома! – вдруг выпалил Гоша.

А с ним и Егорка:

– Золото! Идите скорее, мы нашли самородок!

– Ну чего орете, – спокойно отреагировал Рома. – Подумаешь, золото. Презренный металл. Ученый горняк Ренованц вон самого чудака нашел со всеми атрибутами горного промысла. Это куда интереснее. Там и молотки медные были, и обувка из кожи доисторического бизона. А что там у вас?

И опять тон его речи стал спокойным и даже скучноватым:

– Ага, так-так, поздравляю. Это действительно золото, да еще и непростое: это золото дураков!

– Ты чё? – возмутился Егор. – Слишком важным стал. Подумаешь, горный инженер! Уже и издеваешься! Что мы тебе, дураки?

– Тихо, тихо, успокойтесь, ребята, – Степан уже понял, в чем дело. – Не обижайтесь, а то будет классическая драка у мешка с золотом, как у пиратов или у разбойников с большой дороги. Это не золото, а пирит. Железо с серой. Кристаллы его и в самом деле похожи на золотые, тем более в темноте. И это вовсе не Рома придумал такое название: золото дураков. В книге так написано.

– Значит, дурак, кто это написал, – сердито сказал Егор, и все с этим согласились.

Через пару часов они закончили обход выработки и даже нарисовали схемку с помощью компаса. Заглянули и во вторую.

– Ух, сыростью-то как несет! И холодом! – воскликнул Агафон. – Однако я уже замерз.

И тут все решили, что на сегодня хватит приключений. Набрали в карманы камней, добавив к осколкам, отбитым со стенок.

Все уже изрядно продрогли, и Рома отдал команду:

– Мужики, сматываем удочки и бегом на свет божий, иначе воспаление легких гарантировано.

– Ага, еще порыбачить успеем, – обрадовался Рыжик, – я ведь все припасы с собой прихватил.

Обогревшись под солнышком, все четверо склонились над бумагой с чертежом горной выработки. Разглядывая свое творение, Роман подвел итог работы:

– Как я понимаю, наша раздваивающаяся штольня обнимает рудное тело. И, по всей видимости, оно идет дальше в гору.

– Наверное, в сторону горы Чемчедай, где таятся запасы железной руды, – предположил Степа.

– Может, и так, – согласился его брат, – хотя геологи не просматривают связь железорудных и полиметаллических месторождений.

– А вы забыли про рисунки на вершине Холзуна? Однако, неспроста все это... Кстати, а где эти рудокопы жили? – не унимался Степан.

– Ну а как насчет головки и ядра? – в свою очередь допытывались Гоша с Егором. – То, о чем говорил Максим. Всё вроде сходится. Здесь большое месторождение.

– А почему вас все это так интересует? – к удивлению всех остальных, как-то безразлично отреагировал Роман.

– Как это почему?! – возмутился Егорша. – Будем первооткрывателями месторождения. Дадут грамоты, может, и медаль. Денежную премию.

– Прославимся на всю страну, это же открытие века! – довольно ехидно подхватил Роман. – А то, что будет загублена вся природа, как вы к этому относитесь? Вместо Хамира будет грязная речка, горы отвалов и террикоников будут выситься на месте Тегерека. Это вам нравится?

Все молчали, но Степа неуверенно сказал:

– А как же Максим? Это же его открытие?

– Максим как раз и опасался этого. Я вот дома всё это продумал, и мое мнение такое, что надо молчать и держать в тайне наше открытие. Набрались же мужества и ума американцы, отказавшись гробить богатейшую Йеллоустонскую долину, создали там национальный парк. А мы чем хуже?

– Так ведь все равно найдут этот рудник. Увидят штольню, и все ясно станет любому геологу.

– Тут, Степа, ты, конечно, прав. Шила в мешке не утаишь, хотя можно эту выработку и спрятать. Просто-напросто завалить, замаскировать.

– Нехорошо как-то и это... Вроде от государства прячем.

– А вы забыли про хана Алтая? – опять вдруг помянул грозного владыку гор Егорка. – Однако мы нашли его главное богатство.

– Его богатство – это сами горы с Белухой во главе, – напомнил Степан, – а золото и другие металлы только приложение к ним.

– Вы тут старика хана Алтая поминаете, а я вот о чем размышляю, – в задумчивости произнес Роман. – А не связано ли это месторождение с Таловым Тургусуном? Если там прослежены только макушки, не уходят ли они вглубь и не идут ли сюда? Тогда это было бы гигантское месторождение.

– Такие мысли уже были у Максима, – напомнил Степан.

– Ладно, оставим до завтра. Утро вечера мудренее, – решил Роман. – А мы сегодня еще успеем порыбачить.

Бергальские истории

Рыбалка не получилась, хариус не клевал. Да и кладоискатели, взволнованные сегодняшними событиями, не были к ней расположены. Сварив обычную свою похлебку с картошкой, луком и вермишелью, сидели у костра, и разговор вертелся вокруг загадочной чуди, бергалов и золотоискателей. Правда, знали о бергалах немного, да и местный горно-заводской фольклор ребятам был неизвестен. Да и был ли он? Лишь у Егора отец одно время работал в зырянской шахте и делился своими впечатлениями об этом неохотно. Робил да робил, силикоз зарабатывал, есть такая болезнь легких от кварцевой пыли, как раз чаще всего свирепствующая на золотых приисках, где золото вкраплено в кварцевые жилы. За каждый пуд добытого золота, пожалуй, не одной человеческой смертью заплачено. Вспоминали хозяйку Медной горы, золотую лихорадку Джека Лондона, «Золотоискателей в

пустыне» В. Обручева. Копались люди в норах, долбили крепчайшие горные породы, ползком лазая по каменным тоннелям.

– Батя рассказывал про деда, как тот в прежние времена бергалил, – вспомнил Егор, – как лазал он в старой шахте, где в три погибели согнувшись, а где и ползком. Никаких лестниц не было, карабкались по каменным ступеням с мешком руды или породы на спине. Сорвешься – костей не соберешь. Все в темноте, а это и лучше, потому как вниз смотреть страшно. От частого ползания животом ступени полировались до блеска, и скользко от этого по ним ступать. Потом руду в ступах вручную мололи, водой промывали.

– Это что, чудская, что ли, была шахта? – спросил Степа.

– Да кто его знает, чудская, а может, китайская. В ранешние времена эти китайцы везде шастали. Дюже они жадные до золотишка.

– А правда, говорят, раньше руду искали по зеленым ящеркам? – вспомнил Агафон. – Руда медная зеленая – и ящерка под её цвет. Где пробежала, там и ищи.

– Ага, хозяйка Медной горы в зеленом бархатном наряде! – с иронией отозвался Степа. – Бабушкины сказки. А как же серая ящерка, самка зеленого самца? Нестыковка получается. Или серого цвета ящерка свинцовую руду показывает? Хитрое это дело, поиски руды. В средние века всякие колдуны гадали, где под землей металлы есть. Ходили со специальными палочками, вроде как с магнитом. Вдруг да покажет. Заметили, что некоторые травы любят расти поверх месторождений. Это ж химия, а каждое растение любит свою почву со своими минералами.

– Этих рудознатцев звали лозоискателями, – вспомнил прочитанное Роман. – То ли шарлатаны они были, то ли хитрые люди, усвоившие признаки рудопроявлений, но, действительно, некоторые из них с успехом находили месторождения. Были даже написаны руководства, как надо пользоваться этими магическими палочками. А всего-то это была лоза, ветка орешника, расщепленная на два конца. Держа эти концы, с чтением заклинаний надо было идти с запада на восток, и там, где конец лозы наклонялся к земле, и следовало искать рудную жилу.

– Ну вот, а сам смеялся насчет ящериц, – обрадовался Гоша. – Я думаю, искать месторождение все равно, что искать клад.

– Открыл Америку, – с неудовольствием заметил Егор. – Золото, серебро, даже свинец – это и есть клады.

– Да, искать сокровища и клады – нет ничего интереснее этого занятия, – Степа в задумчивости смотрел на огонь. – «Остров сокровищ» – моя любимая книга.

– Клады, сокровища... А вы забыли, Максим говорил про Шангина, что тот открыл множество месторождений драгоценных камней? В том числе где-то здесь, в верховьях Хамира нашел топазы. Сейчас об этом никто не вспоминает, даже геологи, – заметил Роман, до сих пор мало принимавший участие в обсуждении темы дня. – Кстати, знаете, а ведь и у нас, в Казахстане была своя золотая лихорадка в 19 веке. Купцы золотопромышленники рыскали по всем степям и горам в поисках золотых жил. Много приисков было на Алтае. Особенно прославился некто Попов, прииски и рудники которого были разбросаны по всему нынешнему Казахстану. Кто-то разбогател, кто-то прогорел и обанкротился. Покупали, продавали. Как водится, не обходилось без жульничества. Словом, все по поговорке: «Не обманешь – не продашь». Вот геолог Обручев описывает такое жульничество, называвшееся «солением» забоя. Заряжают пистолет вместо

доби золотым песком, стреляют в забой. Покупатель, а ими чаще всего почему-то были англичане, берет пробы. Они показывают богатое содержание. Жадный иностранец скорее сует деньги продавцу, покупает участок, потирая руки, что совершил выгодную сделку, вкладывает капиталы и, естественно, прогорает. Золота нет или очень мало. «Ах, русский жулик, надул самым хитрым способом! А ведь пробы хорошие были». А то еще: приезжает на осмотр месторождения покупатель, берет пробы в забое, а рядом хозяин ходит, попыхивая трубочкой и незаметно стряхивает пепел в забой. А пепел-то не простой, вместе с табаком золотой пылью набита трубочка.

– Неужели правда так было? – удивлялись Егор с Агафоном.

– А чего ты хочешь, это ж был капитализм. Обман на обмане. Даже больше. Вот как те же хищные дельцы золотопромышленники обманывали доверчивых киргизов, как тогда называли казахов. Дети степей, были они доверчивы и наивны, однако за свою землю держались крепко. Вот находит какой-нибудь купец золотую жилу на его земле и хочет купить участок, а хозяин ни в какую. Купец и так, и сяк, нет, не получается сделка. Но заметили, что султаны падки на царские знаки отличия: медали, грамоты. Каждый друг перед другом похваляется, у кого их больше. Вот купец наштампует таких грамот с золотыми двуглавыми орлами, помаячит медалью с лентой на шею, и хозяин сдается. Так землю за гроши скупали.

– Да-а, чего только не бывает на белом свете! – вздохнул Гоша. – Ребята, а вы забыли, что на этом самом месте или где-то рядом несколько лет назад утонул лесник-чеченец? Вот так же вздулась река, а он вздумал переправляться. Утонул, так и не нашли. А может, где-нибудь под корягой до сих пор его тело лежит. Особенно-то ведь и не искали.

– Ну ты скажешь! Только страху нагонишь. Теперь и до скелетов добрались. А может, и вправду завтра на шкелет бергала напоремся?

Недовольный Егор встал, чтобы подбросить сучьев в костер, и в это мгновение какая-то большая птица с размаху влетела в освещенный круг и тут же шарахнулась в сторону.

– Неясыть, – коротко сказал Степа. – Видно, гналась за какой-то пичугой, да перепугалась, не хуже, чем ты, Егорша... А я вот что подумал. В средние века всякие там колдуны, ясновидцы, алхимики пытались найти так называемый философский камень и эликсир жизни. Толкли, смешивали разные минералы и вещества. Все это описывали, делали свои нелепые выводы, а ведь на самом деле это были зачатки химии. Значит, и от них была какая-то польза.

– Наверное, была, – согласился Роман, – не все же были жуликами. Кое-кто пытался найти истину... Ну вот, хорошо поговорили, – зевая, сказал он. – А не пора ли нам спать?

Сон Романа

Роману не спалось, думы мучали его. Ворочаясь с боку на бок, он глядел на звездное небо, раскинувшееся над головой. Его мозг перебирал одно событие за другим, из тех, что произошли этим летом. Наконец он уснул и перенесся совсем в иной мир, мир, который ему навеяла собственная фантазия, основанная на информации, почерпнутой в этот год, богатый на встречи и приключения.

Он вдруг увидел себя в незнакомой квартире, где в плохо освещенной комнате угадывались странные предметы: причудливые древесные коряги, минералы и коробка с жуками. Мужчина и женщина негромко разговаривали между собой. Хозяйка называла своего собеседника Фридрихом, и у этого Фридриха был явно нерусский акцент. «Так это же Геблер!» – догадался Роман, обрадовавшись возможности задать известному исследователю Алтая давно интересующие его вопросы.

Доверительное и дружелюбное отношение хозяев к своему гостю придало Роману храбрости, и он спросил:

– Герр Геблер, я восхищен вашей деятельностью на поприще географической науки. Что заставляет вас, хорошего доктора, отправляться в опасные и трудные путешествия, не связанные с вашей основной деятельностью?

– Молодой человек, – с акцентом, выдающим немецкое происхождение, Геблер неторопливо начал свой рассказ, – похожий вопрос мне задавал наш высокочтимый ученый А. Гумбольдт, когда в 1829 году он специально заезжал в Барнаул, чтобы познакомиться со мной. Тогда он посчитал, что основой моей научной деятельности стали особенности немецкого характера: трудолюбие, любовь к познанию мира и целеустремленность. Конечно, твердость характера и немецкий менталитет играют свою роль. Но я уверен, что пройдет несколько лет, и будут блистать имена русских ученых. Да они уже внесли свой вклад в изучение Алтая! Возьмите Шангина, Спасского. Именно они первыми начали исследовать горы Алтая. Знаете, что мешает вам, русским, прославить имена своих первопроходцев, рудознатцев, ученых? Вы удивитесь, когда я назову ваши недостатки!

– Какие же? – действительно с некоторым недоумением спросил Роман.

– Как ни странно, это, на первый взгляд, хорошие качества. Добродушие, скромность, отсутствие злости и тщеславия – вот что мешает вашим изобретателям и исследователям стать известными на весь мир. Да, да, именно тщеславия. Вы делаете открытия, радуетесь этому и нигде о них не объявляете. То есть вы не публикуете свои достижения, и о них мало кто знает.

– Вы хотели сказать, не хватает честолюбия? – осторожно поправил Роман.

– Я не вижу разницы между этими словами: тщеславие и честолюбие, – в ответ довольно резко бросил Геблер. – Так вот, продолжу свою мысль. Беринг на целое столетие позже Дежнева обогнул Азиатский материк с востока и этим прославил на весь мир свое имя. Вы же знаете, что на картах всего мира красуется это название: Берингов пролив? И хорошо, что немецкий историк Миллер откопал в Якутском архиве сведения, что гораздо раньше это сделал ваш первопроходец Семен Дежнев. И благодаря этому немцу Миллеру теперь самый восточный мыс Азии называется мыс Дежнева.

– Да, все верно, – вынужден был признать Роман.

Он хотел добавить, что ведь и на Рахманах у Белухи русские люди бывали гораздо раньше, чем Геблер, но промолчал. И ученые, тот же Шангин и Ледебур и Бунге, знали подходы к Белухе, просто им не повезло.

Зато спросил о другом:

– Ваши самые значительные путешествия 1833, 1834 и 1835 годов были совершены с южных предгорий Алтая, а не с севера, где расположен город Барнаул. Почему?

– Вы, молодой человек, кажется, из Зыряновска? Так вот, путешествия к алтайскому Монблану, то есть к Белухе, были совершены из вашего родного городка, который тогда назывался селом Зыряновский рудник. Там местными русскими жителями давно были проложены хорошо известные пути и на Рахманы, и к подножию Белухи. По ним я и шел. Да, я забыл сказать главное, – тут голос Геблера перешел почти на шепот. – Есть другая русская беда.

– Какая же? – так же, почти шепотом спросил Роман.

– Неприхотливость. Способность обходиться самым малым.

– Так это же хорошо! – удивленно возразил Роман.

– Это только так кажется. У вас нет желания богатеть, а жадность – двигатель прогресса. Потому вы и бедные, и живете убого.

– Ну не скажите! – растягивая слова чисто по-сибирски, не согласился Рома.

– Простой народ действительно живет бедно, но богатеи во как шикают!

– Это не то, – покачал головой Геблер, – есть и пить без меры совсем не есть хорошо. Отшень шлехт. Да, молодой человек, я повторю: жизнь состоит из парадоксов, и человеческие недостатки, даже пороки: тщеславие и жадность – двигатели прогресса.

Роману хотелось подискутировать, задать и другие вопросы, но вся эта картина с Геблером и странной комнатой вдруг исчезла, и он проснулся. Сон произвел на него впечатление, но не слишком хорошее, скорее, гнетущее.

«Эх, еще бы поговорить с известным геологом относительно полиметаллических месторождений Алтая», – подумал он и снова заснул.

И опять сновидение перенесло его во времена более чем столетней давности. Перед ним возник человек, явно нерусский, бойкий и, как показалось Роману, хвастливый и слегка смахивавший на гоголевского Хлестакова. «Так это же Аткинсон собственной персоной, – догадался Роман. – Английский художник, совершивший большое путешествие по востоку Казахстана. Вот уж совсем нескстати, мне он совсем не нужен».

– Да, я Томас Уильям Аткинсон, – заявил человек в макинтоше и с тросточкой, – тот самый, которого ваш знаменитый географический деятель Семенов назвал недостойным внимания, а о моем труде с описанием моего величайшего путешествия отозвался как о не внушающем доверия. А я бы сказал, что ваш этот Семенов вовсе не достоин звания Тянь-Шанского, которое ему присудили. Его путешествие, которое он совершил позже меня на девять лет, не идет ни в какое сравнение с моим, когда я в 1848 году зимовал в Копале.

«Какая наглость! – подумал Роман. – Эти англичане совсем потеряли совесть, сравнивая свое описание путешествия, больше похожее на бредни барона Мюнхгаузена, с действительно научным достижением Петра Петровича Семенова».

Но стоило только Роману открыть рот, как Аткинсон затараторил снова:

– Вы, русские, назвали меня шпионом. У вас даже нет перевода моей замечательной книги на русский язык, а ведь она и спустя более 100 лет до сих пор переиздается в Англии и США и пользуется популярностью.

«А ты двоеженец, – мелькнуло в голове Романа, – законную жену оставил в Англии, а в Петербурге обманом женился на другой, поэтому в описании своего путешествия ни разу не упомянул о своей спутнице».

Вместо всего этого он только сказал с оттенком возмущения:

– Да ну вас!

На что Аткинсон затараторил:

– Погодите, я еще не сказал про вашего уважаемого Геблера. Я же был у него в гостях и видел всю его подноготную. Знаете ли вы, что он держал крепостных, а его благоверная женушка Александра Степановна насмерть забила одну из девушек? И потом этому уважаемому доктору с большим трудом удалось отстоять ее, так как ей грозила тюрьма?

«Ах, так он еще и склочник! – опять удивился Роман. – Хотя, кто знает, что творилось в те времена даже с уважаемыми людьми».

Роман мог многое сказать Аткинсону, но тот неожиданно исчез, а на его месте появились знаменитые геологи И. В. Мушкетов и В. А. Обручев. Не дожидаясь вопроса Романа о том, почему Мушкетов, будучи в 1874 году в Зырянковске, не оставил своего заключения о генезисе месторождения, Иван Васильевич со свойственной ему прямолинейностью и даже грубостью заявил:

– Я приехал в Зырянковск на Масленицу, все в поселке гуляли и были пьяны, и я, ничего не добившись от вашего начальства, сел в тарантас и уехал, так как очень торопился в Ташкент, куда меня пригласил на работу генерал-губернатор Кауфман.

Обручев же был не столь краток – скорее, многословен:

– В 1914 году, когда я из Уймона проходил через Зырянковск, началась Первая мировая война, и тут уже было не до научных изысканий. На Иртыше стоял пароход, готовившийся отплыть в Усть-Каменогорск, и я поспешил, чтобы успеть на него попасть. Что касается генезиса вашего месторождения, – продолжал он в мягком, спокойном тоне, – то я скажу вам следующее. Если вы спросите десять геологов о генезисе такого сложного месторождения, как ваше, то вам расскажут десять вариантов, а какой соответствует реалиям, не скажет никто. Нет ничего более предположительного, нежели теории и фантазии геологов, тем более когда дело касается генезиса магматических, изверженных месторождений с последующей метаморфизацией. Здесь будет больше фантазии, далекой от истины. Все геологи – фантазеры, и от этого никуда не денешься, у них такая стезя.

Конечно, такой ответ не удовлетворил Романа, и он обратился к знаменитому геологу, бывшему у него одним из любимейших исследователей, с вопросом:

– Владимир Афанасьевич, мы вас ценим не только как ученого и путешественника, исследовавшего Центральную Азию, но и как писателя – за ваши книги «Плутония», «Земля Санникова» и другие. Но хотелось бы услышать ваш прогноз о перспективности Алтая в геологическом отношении и возможности открытия здесь новых месторождений. В частности, в районе Зырянковска и гор Холзуна, где вы проходили в 1914 году.

– Да, вы верно упомянули мои популярные книги, – отвечал Владимир Афанасьевич, – но забыли сказать о «Золотоискателях в пустыне» и «В дебрях Центральной Азии». Джунгария, а в нее когда-то входил и восток Казахстана, как и ваш Алтай, мои любимые места. Я много путешествовал, но именно эти края полны таинственного очарования. А вам я бы посоветовал не задерживаться на геологических теориях, а больше придерживаться практики. Алтай еще не раскрыл все свои тайны. Ищите, и вас ждет удача! Но при этом не забывайте слова моего любимого героя Лобсына, сказавшего: «Я не столько люблю золото, сколько его поиски». – И тут он произнес загадочную фразу, заставившую Романа удивиться и призадуматься: – Впереди вас ждет удивительный и таинственный сюрприз.

«Удача, кажется, уже пришла, – подумал Роман, – но что за сюрприз нас ждет, и как жаль, что никто из великих геологов не может сказать, что за месторождение мы открыли!» С этой мыслью он и проснулся.

«Многое из того, что я сейчас видел во сне, мне рассказывал Станислав, – вспомнил он. – Да, жаль, корифеи геологии не ответили на вопрос, не подсказали, не дали совет... Прав ли был Максим, считавший, что главное месторождение еще предстоит открыть, и его ли мы нашли? Я даже сомневаюсь, стоит ли обнародовать свое открытие, и хорошо ли будет, если начнется его разработка».

Сюрпризы древней выработки

Было совсем рано, когда встал Роман. Солнце еще не вышло из-за Холзуна, и в ущелье, погруженном в глубокую тень, царила зябкая прохлада. Роса блестела на листьях чемерицы и бадана, свежее утро обещало яркий день. Роман разжег потухший за ночь костер, вскипятил чай. Дождавшись, когда солнце осветило противоположный склон, он со словами: «Вставайте, граф, вас ждут великие дела» стал трясти за плечо заспавшегося Степана.

Тот вскочил недовольный:

– Какой я тебе граф! Сам ты маркиз! Надоел со своим графом.

На что Роман спокойно парировал:

– Плох тот солдат, что не хочет быть генералом. Раз не граф, то извольте накрывать стол.

Сначала нехотя, а затем с охоткой мальчишки умылись, позавтракали и полезли в «гору», то есть к штольне. Шахтерские термины понемногу входили в обиход.

Вторая выработка, идущая поперек первой, оказалась сырой и еще более холодной. Влажные своды с кое-где висящими каплями воды, казалось, хранили холод зимы. Свет фонарей гасила мрачная тьма подземной галереи, пройденной в темных горных породах. Опять тускло поблескивали металлы, стоило поцарапать стенки тоннеля, кое-где белым цветом проглядывали прослойки кварца. Жилы и дайки этого белого минерала светлой и извилистой лентой выделялись на черных боках каменной галереи. Впечатление было такое, что стены выработки закопчены и покрыты налетом и грязью столетий.

В одном месте путь преградила груда камней, вывалившихся из стенки. Ее легко обошли, но куски породы и руды, упавшие с кровли, попадались почти на каждом шагу.

«Интересно, как все происходило в древности? – думал Роман. – Любая мелочь была сложным препятствием. То же освещение, вентиляция, водоотлив, не говоря уже о том, как врваться в скальные породы, не имея достаточно твердых металлов. Бронзовое зубило тут же затупится, встретив кварц или гранит. Всё это легко представить, но сложно объяснить, как были пройдены эти выработки. Или взять то же освещение. Что можно было придумать в то время? Примитивный светильник из глиняного сосуда с жидким жиром и опущенным в него фитилем? А из чего сделать фитиль, если даже одежда состояла из шкур животных? Вопросы, вопросы... Но древний человек был смекалист и находил выход из сложных положений».

– У меня все время такое впечатление, что нас вот-вот придавит, – признался Егор, – шутка ли, над нами целая гора.

– У тебя явно фобия замкнутого пространства, – откликнулся Роман и, словно желая подтвердить мысль Егора, горная выработка сжалась со всех сторон, а главное, свод стал таким низким, что дальше пришлось пробираться на корточках, а Агафон даже опустился на коленки. Это было тем более неудобно из-за того, что всё чаще попадались лужи на полу. Здесь царила мертвая тишина подземного царства, лишь изредка нарушаемая звуками падающих с потолка капель воды.

Первым заметил неладное идущий впереди со светом Степан.

– Ребята, кажется, тупик. Каменный завал до самого потолка.

– До кровли, – поправил его Роман, словно не желая мириться с окончанием пути.

«Впрочем, а чего еще можно ждать от тысячелетней выработки, – подумал тут же он, – не золотых же самородков или золотой жилы в забое толщиной с палец. А на руду мы уже достаточно нагляделись».

– Завал слежался сплошной массой, его только с ломом можно взять, – продолжал Степа, – да и стоит ли его ворошить? Впереди будет всё то же самое.

– А для чего же мы тогда сюда пришли? – недовольно сказал Агафон и тут же добавил: – Подожди, посвети ниже. Кажись, какой-то предмет зеленоватого цвета на полу.

Все склонились, разглядывая у ног почву.

– Да, это медная зелень, – признал Степа и вдруг взволнованно изрек: – Ребята, это же медная кайла!

– Верно, кайлушка! – признал Егор. – А ручка превратилась в какую-то глину. Видно, деревянная была.

И тут у всех открылись глаза и на другие вещи. В первую очередь, заметили каменный молоток, этакую балду, истлевшими ремнями примотанную к ручке. Каменные клинья, разбросанные по почве, приняли за своего рода зубила.

– Это ж надо, они работали, вбивая каменные клинья? – удивлялся Агафон. – Представляю, сколько их разбивалось и рассыпалось от ударов.

– Адова работа! – подтвердил Егор.

Но главное открытие ждало под каменным завалом. Едва отворотили крайние куски породы, как обнаружили человеческие кости. Явно голень человека со ступней из рассыпавшихся косточек. Тут уже ни у кого не оставалось сомнения: рудокопа придавило завалом.

– Однако, было землетрясение, – предположил Роман, – потрянуло так, что шахтера придавило и оползнем перекрыло выход из штольни. Вот и разгадка, почему о древнем руднике никто не знал. Все эти столетия или даже тысячелетия он был закрыт слоем земли.

Потрясенные находкой, ребята молча стояли у останков древнего человека. Роман сразу же запретил дальнейший разбор завала, заявив, что это дело профессиональных археологов.

Что было при теле бергала – осталось для всех загадкой. Кто знает, может, мешочек с золотом?

«Вот и сон сбился, и предсказания Обручева об ожидающем сюрпризе», – подумал Рома, но ничего не сказал товарищам, а те продолжали осматривать выработку, освещая зажженными свечами все углы и закоулки. Вдруг стали открываться и другие предметы, которые с первого взгляда можно было принять за каменные обломки. Так, обнаружилась каменная ступа и даже пестик при ней.

– Явно для долбления золотой руды, – не задумываясь, предположил Агафон. Он взялся было раскидывать завал, остальные в нерешительности взирали на это.

– Стоп! – приказал Роман. – Дальше ни шагу! Оставим всё как есть.

– Как это оставим! – возмутился Агафон. – Там же древний бергал лежит. Стоит поработать часа два-три, и мы его раскопаем.

– Ага, раскопаем, там у него мешок с золотом, и мы всё это возьмем. Так, что ли?

– Брать не будем, только посмотрим. Столько мечтали, старались, нашли, а теперь нельзя. Так несправедливо, – канючил Агафон.

– Посмотрим, кости раскидаем, уничтожим ценный артефакт. Знаешь, как называются незаконные, самовольные археологи? Черные копатели. В общем, уходим, и слава богу, что ничего не успели испортить.

Молча и как-то торопливо все двинулись к выходу. Вынести из шахты даже ступку никто и не подумал, хотя у каждого была мысль: в ней должны остаться золотые крупинки.

Жизнь хороша, и всё ещё впереди!

Вид человеческих останков подействовал на юных рудоискателей угнетающе, и мрачная штольня стала казаться им склепом погибших бергалов. Молча все выбрались наружу, и солнечный свет ударил им в глаза.

– Господи, как здесь хорошо! – вырвалось у Егора.

На что Степа отреагировал с некоторым скептицизмом:

– Это можно оценить, только побывав под землей. Значит, бергал из тебя не получится.

– Хорошо-то хорошо, а ведь через неделю в школу, – вспомнил Агафон.

Это напоминание почему-то никому не понравилось.

– Без тебя знаем, – почти огрызнулся Егор, будто отмахнувшись от надоедливой мухи.

А Степа, поморщившись, полушутливо добавил:

– Типун тебе на язык.

– А мне через десять дней уезжать в Томск, в университет, – объявил Роман. – Уже вызов пришел.

– Ты же не сдавал вступительные, – удивился Егор.

– Прошел по конкурсу аттестатов. Поступаю на физмат.

– А как же история? Ты же увлекаешься историей.

– Мне и физика нравится. А краеведение останется увлечением.

– А на горного инженера? Мы же уже почти бергаеры.

– Нет, горное дело – это ремесло, геология – одни предположения и домыслы, а мне хочется заниматься настоящей наукой.

– А мы? Как же твой девиз: «Вставайте, граф, вас ждут великие дела»?

– Всё имеет конец, и детство тоже. А что девиз, так он вовсе неплох, и с ним вполне можно жить и дальше.

– Через год и мне поступать, – вздохнув, сообщил Степан.

– Вы вот собираетесь уезжать, а я дальше Зыряновска не был, – пожаловался Агафон.

– Ну и не переживай, – живо ответил Егор, – я был в Усть-Каменогорске, так он мне совсем не понравился. Дома, дома, трубы дымят, до леса далеко. Я вот в лесу хочу жить, как сейчас, и уезжать никуда не собираюсь.

– И я тоже, – согласился Агафон. – Буду охотником.

– Профессия охотника скоро отомрет, – усомнился Егор. – Кому они нужны, соболя, белки, когда искусственный мех делают.

– Ну тогда лесником, лес охранять.

– Это ты, Гоша, неплохо задумал, – одобрил Рома. – Лес человеку всегда нужен, в том числе и для души.

– А я, наверное, пасечником буду, как мой отец, – признался Егор. – Мы с Гошей лесные люди. Здесь сами родились, и наши родители с Бухтармы.

Лес стоял притихший, и вдруг над всей долиной пронесся протяжный, как стон, громкий голос желны. Большая черная птица кричала, будто жалуясь на тоску и одиночество.

– А ведь лето кончилось, скоро конец теплым денькам, – с грустью встрепелся Роман. – Заплакала желна – жди осеннее ненастье, зарядит дождик, слякоть на дворе, а там зима. А как она плачет, желна, правда ведь, за душу берет?

Егорке это вовсе не понравилось.

– Черный дятел? Ха, ты, Рома, чудак. Кому же нравится этот лешак? Черный, как ворон, а вопит истошным голосом, мороз по коже. Леший и тот так не завоет.

«Все люди разные и по-разному все воспринимают», – подумалось Роману. Все замолчали, не плакала больше и желна, а у Романа в голове вертелись навязчивые мысли, немного тревожные и грустные: «Всё кончено, всё кончено. Кончилась школа, кончилось детство и беззаботная жизнь с родителями». Он хорошо помнил слова, когда-то сказанные отцом: «Человек, сколько бы ни прожил, даже 90 лет, а детство занимает половину жизни». Это время открытия мира. Всего 13-14 лет, а сколько впечатлений, сколько радости, счастья, тепла родительского дома! «Неужели никогда больше не будет уютного дома на лесной поляне, не будет ночных прогулок по лесной тропинке из школы домой, я не услышу шума Большой Речки и не испытаю азарта рыбалки, когда на леске серебристым боком посверкивает хариус?»

Его мысли прервал звонкий голос Агафона:

– А кто мы теперь: кладоискатели, рудознатцы или археологи?

И в ответ уже пробивающийся басок Степана:

– Бери выше! Вы с Егором просто мальчишки с Большой Речки. А нас с Романом уже и мальчишками не назвать. – И он громко продекламировал нараспев: – Надежды юношей питают...

И снова, будто издалека, плаксивый голос Агафона:

– Как же так: столько всего было, нашли руду, старого бергала, а оказывается, мы никто! Я считаю, что мы можем теперь называться таёжными рудознатцами.

И Роману вдруг стало весело: а ведь Гоша действительно еще ребенок! А у них со Степой впереди взрослая жизнь! А жизнь – это вечность, где есть всё: это небо, лес, реки, поющие на деревьях птицы. И всё это остается с ними навсегда.

Окончание следует.

